

Кельтские сумерки

У. Б. Йитс

The Celtic Twilight

W. B. Yeats

The Project Gutenberg eBook of The Celtic Twilight.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Кельтские сумерки

Автор: У. Б. Йитс

Дата выхода: 1 декабря 2003 [eBook #10459]

Последнее обновление: 6 декабря 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Кэрри Лоренц. Особая благодарность Джону Б. Хэйру, редактору этого текста и значительному участнику его подготовки к изданию PG

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CELTIC TWILIGHT ***

КЕЛЬТСКИЕ СУМЕРКИ

W. B. YEATS

Время капает в распадке
Как свеча догорает.
А горы и леса
В свой день, в свой день;
Но, старый добрый путь
Из огненных настроений,
Ты не уйдешь.

ПРИХОД СИДХЕ

Хозяин едет из Нокнареа,
И над могилой Клоот-на-Баре;
Каолт отбрасывает свои горящие волосы,
А Нив зовет: "Прочь, прочь!
Опустоши свое сердце от смертного сна".
Ветры пробуждаются, листья кружатся,
Наши щеки бледны, наши волосы распущены,
Наши груди вздымаются, наши глаза сияют,
Наши руки машут, наши губы раздвинуты,
И если кто взглянет на нашу стремительную группу,
Мы встанем между ним и делом его рук,
Мы встанем между ним и надеждой его сердца".
Воинство мчится между ночью и днем;
И где же надежда или подвиг, как не здесь?

Каолт вскидывает свои горящие волосы,
А Нив зовет: "Прочь, прочь".

ЭТА КНИГА

I

Как всякий художник, я желал создать маленький мир из прекрасных, приятных и значительных вещей этого омраченного и неуклюжего мира и показать в видении что-то от лица Ирландии любому из моих людей, кто посмотрит туда, куда я им скажу. Поэтому я точно и откровенно записал многое из того, что слышал и видел, и, за исключением комментариев, ничего из того, что я просто вообразил. Однако я не старался отделить свои собственные убеждения от убеждений крестьянства, а позволил моим мужчинам и женщинам, упырям и фейри идти своим путем, не обижаясь и не защищаясь никакими моими аргументами. То, что человек слышал и видел, - это нити жизни, и если он бережно выдернет их из путаницы воспоминаний, то любой желающий сможет соткать из них любую одежду веры, какая ему больше по душе. Я тоже соткал себе одежду, похожую на другую, но постараюсь согреться в ней и буду вполне доволен, если она мне не опротивеет.

У Надежды и Памяти есть одна дочь, и зовут ее Арт, и построила она свое жилище вдали от отчаянного поля, где люди развешивают свои одежды на вилообразных ветвях, чтобы они были знаменами битвы. О возлюбленная дочь Надежды и Памяти, побудь со мной немного.

1893.

II

Я добавил еще несколько глав по примеру прежних, и добавил бы еще, но с возрастом теряется какая-то легкость мечтаний; начинаешь брать жизнь в обе руки и больше заботиться о плодах, чем о цветах, и это, пожалуй, не великая потеря. В этих новых главах, как и в прежних, я не придумал ничего, кроме своих комментариев и одного-двух обманных предложений, которые могли бы уберечь торговлю какого-нибудь бедного рассказчика с дьяволом и его ангелами и т. п. от огласки среди его соседей. Через некоторое время я опубликую большую книгу о содружестве фейри и постараюсь сделать ее достаточно систематизированной и научно обоснованной, чтобы купить прощение за эту горстку снов.

1902.

W. B. YEATS.

РАССКАЗЧИК СКАЗОК

Многие из сказок, вошедших в эту книгу, рассказал мне некий Пэдди Флинн, маленький ясноглазый старичок, живший в дырявой однокомнатной хижине в деревне Баллисодаре, которая, как он любил говорить, является "самым нежным" - под этим он подразумевал фейри - "местом во всем графстве Слайго". Однако другие считают его вторым после Драмклиффа и Друмахайра. Когда я увидел его в первый раз, он готовил для себя грибы; в другой раз он спал под живой изгородью и улыбался во сне. Он действительно всегда был весел, хотя мне казалось, что я вижу в его глазах (быстрых, как глаза кролика, когда они выглядывают из своих морщинистых нор) меланхолию, которая была едва ли не частью их радости; провидческую меланхолию чисто инстинктивных натур и всех животных.

И все же в его жизни было немало поводов для уныния, ведь в тройном одиночестве возраста, эксцентричности и глухоты его часто донимали дети. Возможно, именно по этой причине он всегда рекомендовал веселиться и надеяться. Например, он любил рассказывать, как Коллумсиль подбадривал свою мать. "Как ты сегодня, мама?" - спросил святой. "Хуже", - ответила мать. "Пусть завтра тебе будет еще хуже", - сказал святой. На следующий день Коллумсиль пришел снова, и состоялся точно такой же разговор, но на третий день мать сказала: "Лучше, слава Богу". И святой ответил: "Пусть вам будет лучше завтра". Он также любил рассказывать о том, как улыбается Судья в последний день, когда награждает добрых и обрекает погибших на вечный огонь. У него было много странных видов, которые то веселили его, то заставляли грустить. Я спросил его, видел ли он когда-нибудь фейри, и получил ответ: "Не надоели ли они мне?" Я также спросил, видел ли он когда-нибудь баньши. "Я видел ее, - сказал он, - там, у воды, она била реку руками".

Я скопировал этот рассказ Пэдди Флинна с небольшими словесными изменениями из блокнота, который я почти заполнил его рассказами и высказываниями вскоре после встречи с ним. Сейчас я с сожалением смотрю на блокнот, потому что пустые страницы в конце никогда не будут заполнены. Пэдди Флинн умер; один мой друг подарил ему большую бутылку виски, и хотя в большинстве случаев он был трезвенником, вид такого количества спиртного привел его в восторг, и он прожил на нем несколько дней, а потом умер. Его тело, изношенное старостью и тяжелыми временами, не смогло выдержать выпивку, как в молодые годы. Он был великим рассказчиком сказок и, в отличие от наших обычных романтиков, умел опустошать рай, ад и чистилище, фейриленд и землю, чтобы люди могли услышать его истории. Он не жил в суженном мире, но знал не меньше обстоятельств, чем сам Гомер. Возможно, благодаря ему гэльский народ вновь обретет древнюю простоту и широту воображения. Что есть литература, как не выражение настроений с помощью символов и происшествий? И разве не существует настроений, которые нуждаются в раю, аде, чистилище и Фейриленде для своего выражения не меньше, чем эта ветхая земля? И разве нет настроений, которые не найдут выражения, если не найдутся люди, которые осмелятся смешать вместе рай, ад, чистилище и фаэриленд, или даже приделывать головы зверей к телам людей, или ввергнуть души людей в сердце скал? Давайте же, сказочники, отправимся в путь и захватим любую добычу, которой жаждет сердце, и не будем бояться. Все существует, все истинно, а земля - лишь пыль под нашими ногами.

ВЕРА И НЕВЕРИЕ

Даже в западных деревнях есть сомневающиеся. Одна женщина сказала мне на прошлое Рождество, что не верит ни в ад, ни в призраков. Ад, по ее мнению, - это всего лишь выдумка священника, чтобы держать людей в порядке; а призракам, по ее мнению, нельзя позволять "бродить по земле" по собственной воле; "но есть фейри, - добавила она, - и маленькие лепреконы, и водяные лошади, и падшие ангелы". Я встречал также человека с татуировкой индейца-ирокеза на руке, который придерживался точно таких же убеждений и неверия. В чем бы человек ни сомневался, он никогда не сомневается в фейри, потому что, как сказал мне человек с индейским ирокезом на руке, "они не противоречат здравому смыслу". Даже официальное сознание не избегает этой веры.

Три года назад маленькая девочка, служившая в деревне Грейндж, расположенной под морскими склонами Бен Булбен, внезапно исчезла однажды ночью. В округе сразу же поднялся большой переполох, поскольку ходили слухи, что ее забрали фейри. Говорят, один из жителей деревни долго пытался отбить ее у них, но в конце концов они одержали верх, и в его руках не оказалось ничего, кроме палки от метлы. Обратились к местному коменданту, и тот сразу же начал обыск по всем домам, а заодно посоветовал людям сжечь все букалуны

(амброзию) на поле, с которого она исчезла, потому что букалуны священны для фейри. Они провели всю ночь, сжигая их, а констебль все время повторял заклинания. Утром девочку нашли, как гласит история, бродящей по полю. Она сказала, что фейри унесли ее на большое расстояние, усадив на фейри-коня. Наконец она увидела большую реку, и человек, который пытался удержать ее от похищения, плыл по ней - таковы особенности фейского гламура - в ракушке. По дороге ее спутники называли имена нескольких человек, которые должны были вскоре умереть в деревне.

Возможно, констебль был прав. Лучше, конечно, верить в неправду и немного в правду, чем отрицать ради отрицания и правду, и неправду, ибо в этом случае у нас нет даже свечи, чтобы направлять наши шаги, нет даже бедной совышки, чтобы танцевать перед нами на болоте, и мы должны с трудом пробираться в великую пустоту, где обитают упыри с неправильными формами. И в конце концов, разве мы можем прийти к такому большому злу, если будем поддерживать огонь в очаге и в душе и с распростертыми руками принимать все, что придет погреться, будь то человек или призрак, и не говорить слишком яростно, даже самим упырям: "Уходите"? Когда все сказано и сделано, как не знать, что наш собственный разум может быть лучше чужой правды, ибо он согрет на наших очагах и в наших душах и готов к тому, чтобы дикие пчелы правды свили в нем улей и сделали свой сладкий мед. Придите в мир снова, дикие пчелы, дикие пчелы!

СМЕРТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

В старых поэмах можно услышать о людях, которых забирают, чтобы они помогли богам в битве, и Кухуллан на некоторое время завоевал богиню Фанд, помогая ее замужней сестре и мужу ее сестры свергнуть другой народ Земли Обетованной. Мне также рассказывали, что народ фейри не может даже играть в херли, если по обе стороны от него нет смертного, чье тело или то, что было поставлено на его место, как сказал бы рассказчик, спит дома. Без помощи смертного они становятся тенью и не могут даже ударить по мячу. Однажды я с другом гулял по болотистой местности в Голузе, когда мы нашли старого, крепкого мужчину, копающего канаву. Мой друг слышал, что этот человек видел какое-то удивительное зрелище, и наконец мы выудили из него эту историю. Когда он был мальчишкой, то однажды работал вместе с примерно тридцатью мужчинами, женщинами и мальчиками. Они находились за Туамом, недалеко от Нок-на-Гур. Вдруг они увидели, все тридцать человек, на расстоянии примерно полумили, около ста пятидесяти человек из племени фейри. Двое из них, по его словам, были в темных одеждах, как у людей нашего времени, и стояли примерно в ста ярдах друг от друга, а остальные были одеты во все цвета, "скобками" или в клетку, а некоторые были в красных жилетах.

Он не мог видеть, что они делали, но, возможно, все они играли в херли, потому что "выглядели так, как будто это было именно так". Иногда они исчезали, и тогда он почти готов был поклясться, что они появлялись из тел двух мужчин в темной одежде. Эти двое были размером с живого человека, а остальные - маленькие. Он видел их около получаса, а потом старик, на которого он и те, на кого он работал, взяли в руки кнут и сказали: "Давайте, давайте, а то мы ничего не сделаем!" Я спросил, видел ли он и фейри: "О да, но он не хотел, чтобы работа, за которую он платит зарплату, была заброшена". Он заставлял всех работать так усердно, что никто не видел, что случилось с фейри.

ВИЗИОНЕР

Как-то вечером ко мне в гости пришел молодой человек и начал рассказывать о создании земли и небес и о многом другом. Я расспросил его о его жизни и делах. Со времени нашей последней встречи он написал много стихов и нарисовал много мистических рисунков, но в последнее время не писал и не рисовал, потому что все его сердце было направлено на то, чтобы сделать свой ум сильным, энергичным и спокойным, а эмоциональная жизнь художника, как он опасался, вредна для него. Однако он охотно читал свои стихи. Все они были у него в памяти. Некоторые, правда, так и не были записаны. Они, с их дикой музыкой ветра в камышах, показались мне сокровенным голосом кельтской печали и кельтской тоски по бесконечности, которую мир никогда не видел. Внезапно мне показалось, что он с нетерпением оглядывается по сторонам. "Ты что-нибудь видишь, Х---?" сказал я. "Сияющая крылатая женщина, покрытая длинными волосами, стоит у входа", - ответил он, или что-то в этом роде. "Это влияние какого-то живого человека, который думает о нас и чьи мысли предстают перед нами в такой символической форме?" спросил я; ведь я хорошо изучил пути провидцев и манеру их речи. "Нет, - ответил он, - ибо если бы это были мысли живого человека, я бы ощущал живое влияние в своем живом теле, и мое сердце билось бы, а дыхание сбивалось. Это дух. Это кто-то мертвый или тот, кто никогда не жил".

[FN#1] Я написал это предложение давно. Теперь эта печаль кажется мне частью всех народов, хранящих настроения древних народов мира. Я уже не так озабочен тайной Расы, как раньше, но оставляю это предложение и другие, подобные ему, без изменений. Когда-то мы им поверили и, возможно, не стали мудрее.

Я спросил, чем он занимается, и выяснил, что он - клерк в большом магазине. Однако ему нравилось бродить по холмам, беседовать с полусумасшедшими и прозорливыми крестьянами или уговаривать странных и уязвленных совестью людей отдать свои беды на его попечение. В одну из ночей, когда я был с ним в его собственной ночлежке, к нему явилось несколько человек, чтобы обсудить свои убеждения и неверие, и они как бы загорелись в тонком свете его разума. Иногда во время беседы с ними к нему приходят видения, и, по слухам, он рассказывал ныряльщикам истинные подробности их прошлых дней и далеких друзей, оставляя их в тишине от страха перед их странным учителем, который кажется едва ли больше мальчика, но гораздо более тонкий, чем самый старый из них.

Стихи, которые он мне читал, были полны его натуры и его видений. Иногда в них рассказывалось о других жизнях, которые, по его мнению, он прожил в другие века, иногда - о людях, с которыми он разговаривал, открывая их собственному разуму. Я сказал ему, что напишу статью о нем и о ней, и в свою очередь получил ответ, что могу это сделать, если не буду упоминать его имени, поскольку он хотел бы всегда оставаться "неизвестным, неясным, безличным". На следующий день пришла пачка его стихов, а вместе с ними записка в таких словах: "Здесь копии стихов, которые, по вашим словам, вам понравились. Я не думаю, что когда-нибудь смогу больше писать или рисовать. Я готовлю себя к циклу других занятий в другой жизни. Я сделаю жесткими свои корни и ветви. Не сейчас моя очередь распускаться листьями и цветами".

Все стихи были попытками запечатлеть некое высокое, непроницаемое настроение в сети неясных образов. Во всех стихах были прекрасные отрывки, но они часто были вплетены в мысли, которые, очевидно, имели особую ценность для его ума, но для других людей были жетонами неизвестной чеканки. Для них они кажутся просто латунью, медью или в лучшем случае потускневшим серебром. Иной раз красота мысли заслонялась небрежным почерком, словно он вдруг засомневался, не является ли писательство глупым занятием. Он

часто иллюстрировал свои стихи рисунками, на которых неидеальная анатомия не скрывала чрезвычайной красоты чувств. Фейри, в которых он верил, дали ему много сюжетов, в частности Томас из Эрсильдуна, неподвижно сидящий в сумерках, в то время как юное и прекрасное создание тихонько выглядывает из тени и шепчет ему на ухо. Больше всего его восхищали сильные цветовые эффекты: духи, у которых на голове вместо волос перья павлинов; фантом, тянущийся из вихря пламени к звезде; дух, проходящий с шаром из переливающегося хрусталя - символом души - полужакрытым в руке. Но всегда под этим богатством красок скрывается какая-то нежная проповедь, обращенная к хрупким надеждам человека. Эта духовная готовность привлекает к нему всех, кто, как и он сам, ищет просветления или скорбит об ушедшей радости. Один из них особенно запомнился. Зимой или две назад он провел большую часть ночи, ходя вверх и вниз по горе и беседуя со старым крестьянином, который, будучи немой для большинства людей, изливал ему свои заботы. Оба были несчастны: Х--- потому, что тогда впервые решил, что искусство и поэзия не для него, а старый крестьянин - потому, что жизнь его угасала, не оставляя никаких достижений и надежд. Оба - как кельты! Как полны стремления к чему-то, что никогда не будет полностью выражено ни словом, ни делом. Крестьянин блуждал в своих мыслях от затянувшейся печали. Однажды он разразился словами: "Бог владеет небесами - Бог владеет небесами, но Он жаждет мира"; и раз он сетовал на то, что его старые соседи ушли и все его забыли: раньше в каждой хижине для него ставили стул у огня, а теперь говорили: "Кто этот старик?" "Надо мной нависла беда", - повторил он, а затем снова заговорил о Боге и небесах. Не раз он говорил, махнув рукой в сторону горы: "Только я один знаю, что случилось под терновником сорок лет назад"; и когда он говорил это, слезы на его лице блестели в лунном свете.

Этот старик всегда встает передо мной, когда я думаю о Х---. Оба они стремятся - один в блуждающих предложениях, другой в символических картинах и тонкой аллегорической поэзии - выразить нечто, что лежит за пределами возможностей выражения; и оба, если Х--- простит меня, имеют внутри себя ту огромную и смутную экстравагантность, которая лежит на дне кельтского сердца. Крестьянские провидцы, которые есть, помещики-дуэлянты, которые были, и вся эта суматоха легенд - Кухулен, сражающийся с морем два дня, пока волны не захлестнут его и он не умрет, Каолт, штурмующий дворец богов, Ойсин, тщетно пытающийся триста лет успокоить свое ненасытное сердце всеми удовольствиями Фейриленда, эти два мистика, гуляющие по горам и произносящие главные мечты своей души в не менее мечтательных предложениях, и этот ум, который находит их столь интересными, - все они являются частью великой кельтской фантазмагии, смысл которой не открыл ни один человек, ни один ангел.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИЗРАКИ

В больших городах мы так мало видим мир, что уходим в свое меньшинство. В маленьких городках и деревнях меньшинств не бывает: люди недостаточно многочисленны. Вы должны увидеть весь мир там, поневоле. Каждый человек - сам себе класс; каждый час несет новый вызов. Когда вы проходите мимо трактира в конце деревни, вы оставляете свой любимый каприз позади, потому что вы не встретите никого, кто мог бы его разделить. Мы слушаем красноречивые речи, читаем книги и пишем их, решаем все дела вселенной. Бессловесные деревенские толпы живут без изменений; ощущение лопаты в руке не меняется от всех наших разговоров: хорошие и плохие сезоны следуют друг за другом, как в старые времена. Бессловесные толпы волнуют нас не больше, чем старая лошадь, заглядывающая в ржавые ворота деревенского загона. Древние картографы писали на неизведанных территориях:

"Здесь водятся львы". В деревнях рыбаков и токарей, столь непохожих на нас, мы можем написать лишь одну строчку: "Здесь водятся призраки".

Мои призраки обитают в деревне Х---, в Лейнстере. История не обделила вниманием эту древнюю деревню с ее кривыми улочками, старым церковным двором, заросшим длинной травой, зеленым фоном из маленьких елей и пристанью, где лежат несколько груженных рыбацких лодок. В анналах энтомологии он хорошо известен. Ведь чуть западнее находится небольшая бухта, где тот, кто наблюдает ночь за ночью, может увидеть редкого мотылька, порхающего вдоль кромки прилива, как раз в конце вечера или начале рассвета. Сто лет назад его привезли сюда из Италии контрабандисты в грузе шелка и кружев. Если бы охотник за мотыльками бросил свою сеть и отправился на охоту за сказками о призраках, фейри и тому подобных детях Лиллит, ему потребовалось бы гораздо меньше терпения.

Чтобы подойти к деревне ночью, робкому человеку требуется большая стратегия. Однажды один человек жаловался: "Клянусь крестом Иисуса! Как мне пройти? Если я пройду мимо холма Данбой, старый капитан Бурни может посмотреть на меня. Если я пойду в обход по воде и поднимусь по ступеням, то на набережных есть безголовый и еще один, а под стеной старой церкви - новый. Если же я пойду в другую сторону, то миссис Стюарт появится у Хиллсайд-Гейт, а сам дьявол - в Больничном переулке".

Я так и не услышал, какого духа он отвадил, но уверен, что это был не тот, что в Больничном переулке. Во времена холеры там был устроен навес для приема больных. Когда нужда в нем отпала, его снесли, но с тех пор на месте, где он стоял, обитают призраки, демоны и фейри. В Х--- есть фермер, Пэдди Б--- по имени, человек очень сильный и трезвенник. Его жена и невестка, размышляя о его огромной силе, часто задаются вопросом, что бы он сделал, если бы выпил. Однажды ночью, проходя по Больничному переулку, он увидел то, что сначала принял за ручного кролика, а через некоторое время обнаружил, что это белая кошка. Когда он приблизился, существо стало медленно раздуваться все больше и больше, и по мере его роста он почувствовал, что его собственные силы уходят, как будто их высасывают из него. Он повернулся и побежал.

По Больничному переулку проходит "Тропа фей". Каждый вечер они проходят от холма к морю, от моря к холму. На морском конце их пути стоит коттедж. Однажды ночью миссис Арбунати, жившая в нем, оставила дверь открытой, так как ждала сына. Ее муж спал у огня; вошел высокий мужчина и сел рядом с ним. Когда он просидел так некоторое время, женщина спросила: "Во имя Бога, кто ты?". Он встал и вышел, сказав: "Никогда не оставляй дверь открытой в этот час, иначе зло может прийти к тебе". Она разбудила своего мужа и сказала ему. "Один из добрых людей был с нами", - сказал он.

Вероятно, этот человек отважился на миссис Стюарт в Хиллсайд-Гейт. При жизни она была женой протестантского священника. "Ее призрак никогда не причинял никому вреда, - говорят деревенские жители, - он лишь совершает кару на земле". Недалеко от Хиллсайд-Гейт, где она обитала, на короткое время появился гораздо более примечательный дух. Его обиталищем был богин, зеленый переулок, ведущий от западного конца деревни. Приведу его историю: типичная деревенская трагедия. В коттедже в конце болота жили маляр Джим Монтгомери и его жена. У них было несколько детей. Он был маленьким щеголем и принадлежал к более высокому классу, чем его соседи. Его жена была очень крупной женщиной. Однажды ее муж, изгнанный из деревенского хора за пьянство, устроил ей взбучку. Ее сестра услышала об этом, пришла и сняла одну из оконных ставень - Монтгомери был аккуратен во всем, и у него были ставни на всех окнах - и побила его ею, будучи такой же большой и сильной, как ее сестра. Он пригрозил ей судом; она ответила, что переломает ему

все кости, если он это сделает. Она больше никогда не разговаривала с сестрой, потому что та позволила избить себя такому маленькому человеку. Джим Монтгомери становился все хуже и хуже: вскоре его жене стало не хватать еды. Она никому не говорила об этом, потому что была очень гордой. Часто в холодную ночь у нее не было огня. Если приходили соседи, она говорила, что погасила огонь, потому что ложилась спать. Люди вокруг часто слышали, как муж бил ее, но она никому не рассказывала. Она очень исхудала. Наконец в одну из суббот в доме не осталось еды для нее и детей. Не в силах больше терпеть, она пошла к священнику и попросила у него немного денег. Он дал ей тридцать шиллингов. Ее встретил муж, забрал деньги и избил ее. В следующий понедельник ей стало совсем плохо, и она послала за миссис Келли. Миссис Келли, как только увидела ее, сказала: "Женщина моя, вы умираете", - и послала за священником и доктором. Она умерла через час. После ее смерти, поскольку Монтгомери не заботился о детях, хозяин дома отвел их в работный дом. Через несколько ночей после их ухода миссис Келли возвращалась домой через болото, когда появился призрак миссис Монтгомери и последовал за ней. Он не покидал ее до тех пор, пока она не добралась до собственного дома. Она рассказала об этом священнику, отцу Р., известному антиквару, но не смогла заставить его поверить ей. Через несколько ночей после этого миссис Келли снова встретила дух в том же месте. Она была слишком напугана, чтобы пройти весь путь, но на полпути остановилась у соседского коттеджа и попросила впустить ее. Они ответили, что ложатся спать. Тогда она закричала: "Во имя Бога, впустите меня, или я выломаю дверь". Они открыли, и так она спаслась от призрака. На следующий день она снова рассказала об этом священнику. На этот раз он поверил и сказал, что призрак будет преследовать ее, пока она не заговорит с ним.

В третий раз она встретила дух в божнице. Она спросила, что мешает ему отдыхать. Дух сказал, что его детей нужно забрать из работного дома, так как никто из его родственников никогда там не был, и что за упокой его души должны быть отслужены три мессы. "Если мой муж не верит вам, - сказала она, - покажите ему это", - и коснулась запястья миссис Келли тремя пальцами. Места, где они соприкасались, набухли и почернели. Затем она исчезла. Некоторое время Монтгомери не верил, что его жена явилась: "Она не стала бы показываться миссис Келли", - говорил он, - "ей нужно показываться уважаемым людям". Его убедили три следа, и детей забрали из работного дома. Священник отслужил мессу, и тень, должно быть, успокоилась, поскольку с тех пор она больше не появлялась. Через некоторое время после этого Джим Монтгомери умер в рабочем доме, дойдя до крайней нищеты из-за пьянства.

Я знаю некоторых, кто верит, что видел безголовый призрак на набережной, и одного, кто, проходя ночью мимо старой кладбищенской стены, видит, как женщина с белой каймой на чепце[FN#2] выскочила и пошла за ним. Призрак покидает его только у собственной двери. Жители деревни считают, что она преследует его, чтобы отомстить за какую-то обиду. Любимая угроза: "Я буду преследовать тебя, когда умру". Его жену однажды до полусмерти напугало то, что она считает демоном в виде собаки.

[FN#2] Интересно, почему у нее была белая кайма на шапке. Старушка Майо, которая рассказала мне столько историй, поведала, что ее шурин видел "женщину с белой каймой на чепце, которая обходила стога в поле, и вскоре после этого его ранило, и он умер через шесть месяцев".

Это лишь немногие из духов под открытым небом; более домашние из их племени собираются внутри дома, в изобилии, как ласточки под южными карнизами.

Однажды ночью миссис Нолан наблюдала за своим умирающим ребенком в переулке Фладди. Внезапно раздался стук в дверь. Она не открыла, опасаясь, что стучит некто

нечеловеческий. Стук прекратился. Через некоторое время передняя, а затем и задняя дверь распахнулись и снова закрылись. Ее муж пошел посмотреть, в чем дело. Он обнаружил, что обе двери заперты на засов. Ребенок умер. Двери снова открыли и закрыли, как прежде. Тогда миссис Нолан вспомнила, что забыла оставить окно или дверь открытыми, как принято, для отхода души. Эти странные открывания, закрывания и стуки были предупреждениями и напоминаниями от духов, которые посещают умирающих.

Домашнее привидение - это, как правило, безобидное и благонамеренное существо. С ним мирятся до тех пор, пока это возможно. Оно приносит удачу тем, кто с ним живет. Я помню двух детей, которые спали вместе с матерью, сестрами и братьями в одной маленькой комнате. В комнате также жил призрак. Они продавали селедку на улицах Дублина и не очень-то беспокоились о призраке, потому что знали, что всегда смогут легко продать свою рыбу, пока спят в "призрачной" комнате.

У меня есть знакомые среди призраков, живущих в западных деревнях. Коннаутские рассказы сильно отличаются от лейнстерских. Эти духи Н--- отличаются мрачностью и несерьезностью. Они приходят, чтобы сообщить о смерти, выполнить какое-то обязательство, отомстить за обиду, оплатить счета, как это сделала на днях дочь рыбака, и затем поспешить в свой покой. Все это они делают достойно и по порядку. Именно демоны, а не призраки, превращаются в белых кошек или черных собак. Люди, которые рассказывают эти сказки, - бедные, серьезно настроенные рыбаки, которые находят в поступках призраков очарование страха. В западных сказках есть причудливое изящество, любопытная экстравагантность. Люди, которые их рассказывают, живут в самых диких и красивых местах, под небом, вечно загруженным и фантастическим, с летящими облаками. Это фермеры и рабочие, которые время от времени занимаются рыбной ловлей. Они не слишком боятся духов, чтобы не испытывать художественного и юмористического удовольствия от их действий. Призраки сами участвуют в их причудливых забавах. В одном западном городке, на заброшенной пристани которого растет трава, эти духи настолько энергичны, что, когда один неверующий осмелился поспать в доме с привидениями, мне сказали, что они выбросили его в окно, а за ним и его кровать. В окрестных деревнях эти существа используют самые странные маскировки. Умерший старый джентльмен крадет капусту со своего огорода в виде большого кролика. Злой морской капитан годами сидел в штукатурке стены коттеджа в виде бекаса и издавал самые ужасные звуки. Его удалось выгнать только тогда, когда стену разрушили; тогда из прочной штукатурки со свистом устремился бекас.

"ПЫЛЬ ЗАКРЫЛА ГЛАЗ ХЕЛЕН"

/

В последнее время я побывал в маленькой группе домов, недостаточно многочисленных, чтобы называться деревней, в баронстве Килтартан в графстве Голуэй, название которой, Балли, известно на всем западе Ирландии. Там есть старый квадратный замок Балли, в котором живут фермер и его жена, и коттедж, где живут их дочь и зять, и маленькая мельница со старым мельником, и старые ясени, отбрасывающие зеленые тени на маленькую речку и большие ступеньки. Я ходил туда два или три раза в прошлом году, чтобы поговорить с мельником о Бидди Ранней, мудрой женщине, жившей в Клэре несколько лет назад, и о ее словах: "Между двумя мельничными колесами в Балли есть лекарство от всех бед", и выяснить у него или у другого, имела ли она в виду мох между текущими водами или какую-то другую траву. Я был там этим летом и приеду еще раз до наступления осени, потому что Мэри Хайнс, прекрасная женщина, чье имя до сих пор вызывает удивление у дерновых костров, умерла там шестьдесят лет назад; ибо наши ноги должны задержаться там, где красота

прожила свою скорбную жизнь, чтобы дать нам понять, что она не от мира сего. Старик привел меня немного в сторону от мельницы и замка, по длинному, узкому бору, почти затерянному в зарослях терновника, и сказал: "Это маленький старый фундамент дома, но большая его часть занята под строительство стен, а козы съели те кусты, что растут над ним, пока они не стали капризными, и больше не растут. Говорят, она была самой красивой девушкой в Ирландии, ее кожа была как припорошенный снег, - он имел в виду, наверное, припорошенный снег, - и на щеках у нее был румянец. У нее было пять красивых братьев, но все они уже умерли!" Я рассказал ему о стихотворении на ирландском языке, которое известный поэт Рафтери написал о ней, и о том, как в нем говорилось: "В Балли есть крепкий погреб". Он сказал, что крепкий погреб - это большая дыра, куда река опускается под землю, и привел меня к глубокому бассейну, где выдра поспешно скрылась под серым валуном, и рассказал, что ранним утром из темной воды выплывает много рыбы, "чтобы отведать свежей воды, спускающейся с холмов".

Впервые я услышал об этом стихотворении от старушки, которая живет примерно в двух милях дальше по реке и помнит Рафтери и Мэри Хайнс. Она говорит: "Я никогда не видела никого такого красивого, как она, и никогда не увижу, пока не умру", и что он был почти слеп и "не имел никакого способа жить, кроме как ходить вокруг и отмечать какой-нибудь дом, в который можно пойти, и тогда все соседи собирались, чтобы послушать. Если вы хорошо к нему относились, он вас хвалил, а если нет, то ругал по-ирландски. Он был величайшим поэтом в Ирландии, и если ему случалось стоять под кустом, он слагал о нем песню. Был куст, под которым он стоял от дождя и слагал стихи, восхваляющие его, а потом, когда вода прошла, он слагал стихи, порицающие его". Она спела это стихотворение другу и мне на ирландском языке, и каждое слово было слышно и выразительно, как всегда звучали слова в песне, как мне кажется, до того, как музыка стала слишком гордой, чтобы быть одеждой для слов, перетекая и меняясь вместе с перетеканием и изменением их энергий. Стихотворение не столь естественно, как лучшая ирландская поэзия прошлого века, ибо мысли в нем выстроены в слишком очевидной традиционной форме, так что старый бедный полуслепой человек, создавший его, вынужден говорить так, словно он богатый фермер, предлагающий любимой женщине все самое лучшее, но в нем есть наивные и нежные фразы. Друг, который был со мной, сделал часть перевода, но некоторые из них были сделаны самими жителями деревни. Мне кажется, в нем больше простоты ирландских стихов, чем в большинстве переводов.

Иду на мессу по воле Божьей,
День выдался сырой, поднялся ветер;
Я встретил Мэри Хайнс у креста Килтартана,
И влюбился в нее тогда и там.

Я говорил с ней любезно и учтиво,
как, судя по всему, было принято у нее;
И она сказала: "Рафтери, я спокойна,
Ты можешь приехать сегодня в Балли".

Когда я услышал ее предложение, я не стал задерживаться,
Когда ее слова дошли до моего сердца, мое сердце поднялось.
Нам оставалось пройти через три поля,
До Балли оставался световой день.

На столе стояли бокалы и квартовая мера,
У нее были светлые волосы, и она сидела рядом со мной;
И сказала она: "Пей, Рафтери, и сто приветствий,
В Балли есть крепкий погреб".

О звезда света, о солнце урожая,
О янтарные волосы, о моя доля в мире,
Пойдешь ли ты со мной в воскресенье.
Пока мы не договоримся вместе перед всем народом?

Я не откажу тебе в песне каждый воскресный вечер,
Пунш на столе или вино, если ты захочешь его выпить,
Но, о Царь Славы, высуши передо мной дороги,
пока я не найду дорогу в Балли.

На склоне холма воздух сладок.
Когда вы смотрите вниз на Балли;
Когда вы гуляете по долине, собирая орехи и ежевику,
В нем звучит музыка птиц и музыка сидхе.

Что стоит величие, пока не увидишь свет
Цветка ветки, что рядом с тобой?
Нет бога, который бы отрицал это или пытался скрыть,
Она - солнце в небесах, ранившее мое сердце.

Не было ни одной части Ирландии, которую бы я не объехал,
От рек до вершин гор,
До самого края Лаф Грейна, чье устье скрыто,
И я не видел ни одной красоты, кроме ее.

Ее волосы сияли, и брови тоже;
Лицо ее было похоже на себя, уста приятны и сладки.
Она - гордость, и я даю ей ветвь,
Она - сияющий цветок Балли.

Это Мэри Хайнс, эта спокойная и легкая женщина,
Красота в ее уме и в ее лице.
Если бы сто клерков собрались вместе,
они не смогли бы записать и половины ее приемов.

Старый ткач, чей сын, как считается, по ночам уходит к сидхе (фэйри), говорит: "Мэри Хайнс была самой красивой из всех, что когда-либо были созданы. Моя мать рассказывала мне о ней, потому что она бывала на всех гульбищах, и где бы она ни была, она была одета в белое. За один день одиннадцать мужчин просили ее выйти замуж, но она не приняла ни одного из

них. Однажды вечером за Килбеканти собралось много мужчин, они сидели вместе, пили и говорили о ней, и один из них встал и отправился в Балли, чтобы увидеть ее; но Клун-Бог был тогда открыт, и когда он подошел к нему, то упал в воду, а утром его нашли там мертвым. Она умерла от лихорадки, которая была до голода". Другой старик говорит, что был еще ребенком, когда увидел ее, но помнит, что "самый сильный мужчина, который был среди нас, некто Джон Мэдден, умер от ее головы, простудившись, когда переплывал реки ночью, чтобы добраться до Балли". Возможно, именно этого человека помнил другой, ведь традиция придает одному и тому же событию множество форм. Есть старуха, которая помнит ее в Деррибрине, среди холмов Эхтге, огромном пустынном месте, которое мало изменилось с тех пор, как в старом стихотворении говорилось: "Олень на холодной вершине Эхтге слышит крик волков", но все еще помнит многие стихи и достоинство древней речи. Она говорит: "Солнце и луна никогда не светили никому так красиво, и кожа ее была так бела, что казалась голубой, и на щеках у нее было два маленьких румянца". А старая морщинистая женщина, живущая неподалеку от Балли и рассказавшая мне множество историй о сидхе, говорит: "Я часто видела Мэри Хайнс, и она действительно была красива. У нее было два пучка локонов возле щек, и они были цвета серебра. Я видел Мэри Моллой, которая утонула в реке за рекой, и Мэри Гатри, которая была в Ардрахане, но она превзошла их обеих, очень милое создание. Я тоже был на ее поминках - она слишком много повидала на свете. Она была добрым существом. Однажды я возвращался домой через поле, устал, и тут вышла Пуазин Глегеаль (сияющий цветок), и она дала мне стакан нового молока". Эта старуха подразумевала под цветом серебра не более чем какой-то красивый яркий цвет, ибо, хотя я знал одного старика - он уже умер - который считал, что может знать "лекарство от всех бед на свете", которое знают сидхе, она видела слишком мало золота, чтобы понять его цвет. Но один человек на берегу в Кинваре, который слишком молод, чтобы помнить Мэри Хайнс, говорит: "Все говорят, что сейчас никого не увидишь таким красивым; говорят, у нее были прекрасные волосы цвета золота. Она была бедна, но ее одежда каждый день была такой же, как в воскресенье, она была так аккуратна. И если она приходила на какое-нибудь собрание, все убивали друг друга, чтобы увидеть ее, и многие были влюблены в нее, но она умерла молодой. Говорят, что никто из тех, о ком слагают песни, не проживет долго".

Считается, что тех, кем восхищаются, забирают сидхе, которые могут использовать неуправляемые чувства в своих целях, так что отец, как сказал мне однажды старый врач-травник, может отдать своего ребенка в их руки, а муж - свою жену. Восхищенные и желанные люди находятся в безопасности только в том случае, если при взгляде на них говорят: "Да благословит их Бог". Старушка, которая пела эту песню, тоже считает, что Мэри Хайнс была "взята", как говорится, "ибо они брали многих, кто не был красив, и почему бы им не взять ее? И люди приезжали со всех концов, чтобы посмотреть на нее, и, возможно, были такие, кто не сказал "Боже, благослови ее"". Старик, живущий на берегу моря в Дюрасе, не сомневается, что ее похитили, "ибо кое-кто из живущих еще помнит, как она приходила к узору[FN#3] там, за морем, и говорили, что она была самой красивой девушкой в Ирландии". Она умерла молодой, потому что боги любили ее, ведь сидхе - это боги, и, возможно, старая поговорка, которую мы забываем понимать буквально, означала ее манеру умирать в давние времена. Эти бедные соотечественники и соотечественницы в своих верованиях и эмоциях на много лет ближе к тому древнегреческому миру, который ставил красоту рядом с фонтаном вещей, чем наши ученые мужи. Она "слишком много повидала на свете"; но эти старики и старухи, рассказывая о ней, обвиняют других, а не ее, и хотя они могут быть суровы, они становятся мягкими, как были мягкими старики Трои, когда Елена проходила мимо них по стенам.

[FN#3] "Узор", или "покровитель", - это праздник в честь святого.

Поэт, который помог ей добиться такой славы, сам пользуется большой известностью на западе Ирландии. Некоторые считают, что Рафтери был полуслепым, и говорят: "Я видел Рафтери, темного человека, но у него было достаточно зрения, чтобы увидеть ее" и т. п., а некоторые думают, что он был полностью слеп, как, возможно, и в конце жизни. Басня делает все вещи совершенными в своем роде, и ее слепцы никогда не должны смотреть на мир и солнце. Я спросил одного человека, которого встретил однажды, когда искал бассейн на Мна Сидхе, где видели женщин-фейри, мог ли Рафтери так восхищаться Мэри Хайнс, если бы он был полностью слеп? Он сказал: "Я думаю, Рафтери был полностью слеп, но слепые умеют видеть вещи и способны знать больше, и чувствовать больше, и делать больше, и догадываться больше, чем зрячие, и им дана определенная смекалка и определенная мудрость". Все, конечно, скажут вам, что он был очень мудрым, ведь он был не только слепым, но и поэтом? Ткач, чьи слова о Мэри Хайнс я уже приводил, говорит: "Его поэзия была даром Всевышнего, ибо есть три вещи, которые являются даром Всевышнего - поэзия, танцы и принципы. Вот почему в старые времена невежественный человек, спускавшийся с холма, вел себя лучше и учился лучше, чем образованный человек, которого вы встретите сейчас, потому что они получали это от Бога"; а один человек в Куле говорит: "Когда он прикладывал палец к одной части головы, все приходило к нему, как будто было написано в книге"; а старый пенсионер в Килтартане рассказывает: "Однажды он стоял под кустом и заговорил с ним, а он ответил ему по-ирландски. Некоторые говорят, что это куст заговорил, но, должно быть, в нем был заколдованный голос, и он дал ему знание обо всех вещах мира. После этого куст засох, и теперь его можно увидеть на обочине дороги между этим и Рахасином". Есть его стихотворение о кусте, которого я никогда не видел, и, возможно, оно вышло из котла басни в таком виде.

Мой друг однажды встретил человека, который был с ним, когда он умер, но люди говорят, что он умер один, и некий Мауртен Гиллейн рассказывал доктору Хайду, что всю ночь с крыши дома, где он лежал, был виден свет, поднимавшийся к небу, и "это были ангелы, которые были с ним"; и всю ночь в лачуге был большой свет, "и это были ангелы, которые будили его". Они удостоили его такой чести, потому что он был таким хорошим поэтом и пел такие религиозные песни". Возможно, через несколько лет Басня, меняющая в своем котле смертных на бессмертных, превратит Мэри Хайнс и Рафтери в совершенные символы печали красоты, великолепия и скупости мечты.

1900.

II

Когда некоторое время назад я был в одном из северных городов, я долго беседовал с человеком, который в детстве жил в соседней деревне. Он рассказал мне, что, когда в семье, не отличавшейся хорошей внешностью, рождалась очень красивая девочка, считалось, что ее красота пришла от сидхе и принесла с собой несчастье. Он перечислил имена нескольких красивых девушек, которых знал, и сказал, что красота никогда и никому не приносила счастья. По его словам, ею нужно гордиться и бояться. Я жалею, что не записал тогда его слова, потому что они были более живописны, чем то, что я помню о них.

1902.

РЫЦАРЬ ОВЕЦ

Вдали к северу от Бен-Бульбена и горы Коуп живет "сильный фермер", рыцарь овец, как называли бы его в гэльские времена. Гордясь своим происхождением от одного из самых боевых кланов Средневековья, он силен как в словах, так и в делах. Есть только один

человек, который клянется так же, как он, и живет он далеко на горе. "Отец небесный, чем я заслужил это?" - говорит он, когда теряет трубку; и никто, кроме того, кто живет на горе, не может соперничать с ним в честный день за сделку. Он вспыльчив и резок в своих движениях, а когда сердится, то левой рукой откидывает свою белую бороду.

Однажды я ужинал с ним, когда служанка объявила о некоем мистере О'Доннеле. На старика и двух его дочерей внезапно опустилась тишина. Наконец старшая дочь несколько сурово сказала отцу: "Пойди и попроси его зайти к нам обедать". Старик вышел, а затем вошел с облегчением и сказал: "Он говорит, что не будет ужинать с нами". "Выйди, - сказала дочь, - пригласи его в заднюю комнату и дай ему немного виски". Ее отец, только что закончивший ужин, угрюмо повиновался, и я услышал, как дверь задней гостиной - маленькой комнатки, где дочери сидели и шили во время вечера, - закрылась за мужчинами. Дочь повернулась ко мне и сказала: "Мистер О'Доннел - сборщик налогов, и в прошлом году он поднял нам налоги, а мой отец очень рассердился, и когда он пришел, привел его в молочную, а доярку отослал с сообщением, а потом сильно на него ругался. "Я научу вас, сэр, - ответил О'Доннел, - что закон может защитить своих служащих"; но мой отец напомнил ему, что у него нет свидетелей. В конце концов отец устал, ему тоже стало жаль, и он сказал, что покажет ему короткую дорогу домой. Когда они были на полпути к главной дороге, им попался человек моего отца, который пахал, и это почему-то заставило вспомнить о случившемся. Он отослал человека с посланием и снова принялся ругать сборщика налогов. Когда я услышал об этом, мне стало противно, что он устроил такой переполох из-за такого жалкого существа, как О'Доннел; а когда несколько недель назад я узнал, что единственный сын О'Доннела умер и оставил его с разбитым сердцем, я решил заставить отца быть добрым к нему в следующий раз, когда он придет".

Она ушла к соседке, а я направился в заднюю комнату. Когда я подошел к двери, то услышал внутри сердитые голоса. Очевидно, двое мужчин снова затеяли ссору, так как я слышал, как они перебрасываются фразами. Я открыл дверь; увидев мое лицо, фермер вспомнил о своих мирных намерениях и спросил, не знаю ли я, где виски. Я видел, как он положил его в буфет, и поэтому смог найти его и достать, глядя на худое, пораженное горем лицо сборщика налогов. Он был старше моего друга, гораздо более слабый и изможденный, и совсем другого типа. Он не был похож на него, крепкого, успешного человека, а скорее на одного из тех, чьи ноги не находят покоя на земле. Я узнал в нем одного из детей задумчивости и сказал: "Вы, несомненно, из рода старых О'Доннеллов. Я хорошо знаю яму в реке, где покоятся их сокровища под охраной многоголового змея". "Да, сэр, - ответил он, - я последний из рода принцев".

Затем мы заговорили о многих банальных вещах, и мой друг ни разу не откинул бороду, но был очень дружелюбен. В конце концов старый грузный сборщик налогов встал, чтобы уйти, и мой друг сказал: "Надеюсь, в следующем году мы выпьем вместе по бокалу". "Нет, нет, - был ответ, - в следующем году я умру". "Я тоже терял сыновей", - сказал другой довольно мягким голосом. "Но ваши сыновья не были похожи на моего сына". И тогда оба мужчины расстались с гневным румянцем и горькими сердцами, и если бы я не бросил между ними несколько общих слов, они могли бы и не расстаться, а скорее впасть в гневное обсуждение ценности их мертвых сыновей. Если бы я не жалел всех этих детей задумчивости, я бы позволил им сразиться, и теперь у меня было бы много замечательных клятв.

Рыцарь овец одержал бы победу, ибо ни одна душа, носящая это одеяние из крови и глины, не может превзойти его. Но однажды он был побежден, и вот его рассказ о том, как это было. Он и несколько фермеров играли в карты в маленькой хижине, примыкавшей к торцу большого амбара. В этой хижине когда-то жила злая женщина. Вдруг один из игроков

сбросил туза и начал ругаться без всякого повода. Его ругательства были настолько ужасны, что остальные встали, а мой друг сказал: "Здесь не все в порядке; в нем есть дух". Они побежали к двери, ведущей в сарай, чтобы как можно скорее скрыться. Деревянный засов не поддавался, и тогда рыцарь овец взял пилу, стоявшую у стены неподалеку, и перепилил засов, после чего дверь с грохотом распахнулась, как будто кто-то держал ее, и они выбежали через нее.

СТОЙКОЕ СЕРДЦЕ

Однажды мой друг делал набросок моего "Овечьего рыцаря". Рядом сидела дочь старика, и когда разговор зашел о любви и любовных утехх, она сказала: "О, папа, расскажи ему о своих любовных похождениях". Старик вынул трубку из рта и сказал: "Никто никогда не женится на любимой женщине", а затем, усмехнувшись, добавил: "Было пятнадцать женщин, которые нравились мне больше, чем та, на которой я женился", и он повторил множество женских имен. Далее он рассказал, как в детстве работал у своего деда, отца матери, и его называли (мой друг забыл, почему) по имени деда, которое мы назовем Доран. У него был большой друг, которого я буду называть Джон Бирн; и вот однажды они с другом отправились в Квинстаун, чтобы дожидаться эмигрантского корабля, который должен был увезти Джона Бирна в Америку. Когда они шли по набережной, то увидели девушку, которая сидела на сиденье и жалобно плакала, а перед ней стояли двое мужчин и ссорились друг с другом. Доран сказал: "Кажется, я знаю, в чем дело. Этот мужчина - ее брат, а тот - ее любовник, и брат отправляет ее в Америку, чтобы избавить ее от любовника. Как она плачет! Но я думаю, что смогу утешить ее сама". Вскоре любовник и брат ушли, а Доран стал ходить перед ней взад и вперед, говоря: "Мягкая погода, мисс" или что-то в этом роде. Через некоторое время она ответила ему, и все трое начали беседовать. Эмигрантский корабль не приходил несколько дней, и трое катались по улицам на машинах, очень невинно и радостно осматривая все, что можно было увидеть. Когда наконец корабль пришел и Дорану пришлось сообщить ей, что он не едет в Америку, она плакала по нему больше, чем по первому любовнику. Доран шепнул Бирну, когда тот поднимался на борт: "Бирн, я не обижаюсь на тебя, но не женись на молодой".

Когда рассказ дошел до этого, дочь фермера насмешливо добавила: "Полагаю, ты сказал это для блага Бирна, отец". Но старик настаивал, что сказал это для блага Бирна; и продолжил рассказывать, как, получив письмо о помолвке Бирна с девушкой, он написал ему тот же совет. Прошли годы, а он ничего не слышал; и хотя теперь он был женат, он не мог не задаваться вопросом, чем она занимается. Наконец он отправился в Америку, чтобы узнать это, но, хотя он расспрашивал многих людей, он не мог получить никаких известий. Прошло еще несколько лет, жена его умерла, а сам он был в преклонных годах, богатый фермер с немалым количеством дел на руках. Он нашел предлог в каком-то неясном деле, чтобы снова отправиться в Америку и начать поиски. Однажды в железнодорожном вагоне он разговорился с одним ирландцем, расспрашивал его, как водится, об эмигрантах из тех мест, и наконец: "Вы когда-нибудь слышали о дочери мельника из Иннис Рат?" - и назвал женщину, которую искал. "О да, - ответил тот, - она замужем за моим другом, Джоном Макьюингом. Она живет на такой-то и такой-то улице в Чикаго". Доран отправился в Чикаго и постучал в ее дверь. Она сама открыла дверь и "ничуть не изменилась". Он назвал ей свое настоящее имя, которое взял после смерти деда, и имя человека, которого встретил в поезде. Она не узнала его, но попросила остаться на ужин, сказав, что ее муж будет рад встретить любого, кто знает этого его старого друга. Они говорили о многом, но за все время разговора, не знаю почему, а может, он и сам не знал почему, он так и не сказал ей, кто он такой. За ужином он спросил ее о Бирне, и она, опустив голову на стол, начала плакать, да

так, что он испугался, как бы ее муж не рассердился. Он побоялся спросить, что случилось с Бирном, и вскоре уехал, чтобы больше никогда ее не видеть.

Когда старик закончил рассказ, он сказал: "Расскажите это мистеру Йитсу, он, возможно, напишет об этом поэму". Но дочь ответила: "О нет, отец. Никто не сможет написать поэму о такой женщине". Увы! Я так и не написал поэму, возможно, потому, что мое собственное сердце, которое любило Хелен и всех прекрасных и непостоянных женщин мира, было бы слишком болезненным. Есть вещи, о которых лучше не размышлять слишком много, вещи, для которых лучше всего подходят голые слова.

1902.

СОРКЕРЫ

В Ирландии мы мало слышим о темных силах, а встречаем тех, кто их видел, еще реже, ибо воображение народа живет скорее фантазией и капризами, а фантазия и каприз потеряли бы свободу, которая является их дыханием жизни, если бы они объединили их либо со злом, либо с добром. И все же мудрые считают, что где бы ни находился человек, темные силы, которые питали бы его хищничество, находятся там же, не меньше, чем светлые существа, хранящие свой мед в ячейках его сердца, и сумеречные существа, порхающие туда-сюда, и что они охватывают его страстным и меланхоличным множеством. Они также считают, что тот, кто по давнему желанию или по случайности рождения обладает способностью проникать в их скрытые обитатели, может увидеть их там, тех, кто когда-то был мужчиной или женщиной, полных ужасной ярости, и тех, кто никогда не жил на земле,двигающихся медленно и с более тонкой злобой. Говорят, что темные силы витают вокруг нас день и ночь, как летучие мыши на старом дереве; и то, что мы не слышим о них больше, объясняется лишь тем, что темные виды магии мало практикуются. Я действительно встречал в Ирландии очень мало людей, которые пытаются общаться со злыми силами, а те немногие, кого я встречал, держат свои цели и практику полностью скрытыми от тех, среди кого они живут. В основном это мелкие клерки и тому подобные люди, которые собираются для занятий своим искусством в комнате, увешанной черными висюльками. Они не пустили меня в эту комнату, но, обнаружив, что я не совсем несведущ в арканической науке, с удовольствием показали, что они будут делать в другом месте. "Приходите к нам, - сказал их предводитель, клерк на большой мукомольной мельнице, - и мы покажем вам духов, которые будут говорить с вами лицом к лицу, и в формах, таких же твердых и тяжелых, как наши собственные".

[FN#4] Теперь я знаю лучше. Темных сил у нас гораздо больше, чем я думал, но не так много, как у шотландцев, и все же я думаю, что воображение людей в основном сосредоточено на фантастическом и капризном.

Я говорил о способности общаться в состоянии транса с ангельскими и фейскими существами - детьми дня и сумерек, а он утверждал, что мы должны верить только в то, что можем увидеть и почувствовать, находясь в обычном повседневном состоянии. "Да, - сказал я, - я приду к вам", - или что-то в этом роде; "но я не позволю себе впасть в оцепенение и поэтому хочу знать, могут ли эти формы, о которых вы говорите, быть более осязаемы и ощутимы обычными чувствами, чем те, о которых говорю я". Я не отрицал способности других существ принимать на себя одежду из смертной материи, но лишь отметил, что простые заклинания, о которых он говорил, вряд ли сделают больше, чем введут разум в транс и, таким образом, приведут его в присутствие сил дня, сумерек и тьмы.

"Но, - сказал он, - мы видели, как они передвигают мебель туда-сюда, и они ходят по нашему приказу, помогают или вредят людям, которые ничего о них не знают". Я не привожу точных слов, но как можно точнее передаю суть нашего разговора.

В назначенный вечер я пришел около восьми и обнаружил, что лидер сидит один в почти полной темноте в маленькой задней комнате. Он был одет в черную мантию, похожую на платье инквизитора на старом рисунке, и ничего не было видно, кроме его глаз, которые выглядывали через два маленьких круглых отверстия. На столе перед ним стояло медное блюдо с горящими травами, большая чаша, череп, покрытый нарисованными символами, два скрещенных кинжала и некие орудия в форме камней-кернов, которые использовались для управления стихийными силами каким-то неведомым мне способом. Я также надел черную мантию, и помню, что она не очень хорошо сидела и сильно мешала мне двигаться. Затем колдун достал из корзины черного петуха, перерезал ему горло одним из кинжалов и дал крови упасть в большую чашу. Он открыл книгу и начал читать заклинание, которое, конечно же, не было английским и звучало глубоким гортанным голосом. Не успел он закончить, как вошел другой колдун, мужчина лет двадцати пяти, и, облачившись в черную мантию, тоже сел у моего левого пояса. Я держал заклинателя прямо перед собой и вскоре обнаружил, что его глаза, сверкавшие сквозь маленькие отверстия в капюшоне, оказывают на меня любопытное воздействие. Я изо всех сил боролся с их влиянием, и у меня начала болеть голова. Призыв продолжался, и первые несколько минут ничего не происходило. Затем заклинатель встал и погасил свет в зале, чтобы ни один проблеск не проникал через щель под дверь. Теперь не было ни света, кроме трав на латунном блюде, ни звука, кроме глубокого гортанного бормотания призыва.

Вскоре мужчина слева от меня покачнулся и воскликнул: "О Боже! О боже!" Я спросил его, что с ним, но он не знал, что сказал. Через минуту он сказал, что видит огромную змею, передвигающуюся по комнате, и сильно разволновался. Я не видел ничего определенного, но мне показалось, что вокруг меня образуются черные тучи. Я почувствовал, что должен впасть в транс, если не буду бороться с ним, и что влияние, вызывающее этот транс, находится вне гармонии с самим собой, другими словами, является злым. После борьбы я избавился от черных облаков и снова смог наблюдать обычными чувствами. Теперь оба колдуна начали видеть черные и белые колонны, перемещающиеся по комнате, и, наконец, человека в монашеском одеянии, и они были сильно озадачены тем, что я не видел этих вещей, так как для них они были такими же твердыми, как стол перед ними. Призыватель, казалось, постепенно набирал силу, и мне стало казаться, что от него исходит поток тьмы, который концентрируется вокруг меня; и тут я заметил, что человек по левую руку от меня погрузился в транс, похожий на смерть. Последним усилием я отогнал черные облака; но, чувствуя, что это единственные фигуры, которые я могу видеть, не впадая в транс, и не испытывая к ним большой любви, я попросил света и после необходимого экзорцизма вернулся в обычный мир.

Я спросил у более сильного из двух колдунов: "Что бы случилось, если бы один из ваших духов одолел меня?" "Ты бы вышел из этой комнаты", - ответил он, - "с его характером, добавленным к твоему собственному". Я спросил о происхождении его колдовства, но не получил ничего важного, кроме того, что он научился ему у своего отца. Больше он мне ничего не сказал, поскольку, как оказалось, дал обет хранить тайну.

Несколько дней я не мог отделаться от ощущения, что вокруг меня бродит множество деформированных и гротескных фигур. Светлые Силы всегда прекрасны и желанны, Тусклые Силы то красивы, то причудливо гротескны, но Темные Силы выражают свою неуравновешенную природу в формах уродства и ужаса.

ДЬЯВОЛ

Однажды моя старушка Майо сказала мне, что по дороге прошло что-то очень плохое и зашло в дом напротив, и хотя она не сказала, что именно, я догадался. На другой день она рассказала мне о двух своих подругах, с которыми занимался любовью тот, кого они считали дьяволом. Одна из них стояла на обочине дороги, когда он подъехал верхом на лошади и попросил ее сесть за ним и поехать верхом. Когда она не согласилась, он исчез. Другая стояла на дороге поздно вечером и ждала своего молодого человека, когда что-то хлопало и катилось по дороге к ее ногам. Это было похоже на газету, и вскоре оно пролетело перед ее лицом, и по его размеру она поняла, что это была "Айриш таймс". Внезапно он превратился в молодого человека, который предложил ей прогуляться с ним. Она не согласилась, и он исчез.

Я знаю одного старика на склонах Бен Бульбена, который обнаружил, что дьявол звонит в колокольчик под его кроватью, и он пошел, украл колокол часовни и позвонил в него. Возможно, как и в других случаях, это был вовсе не дьявол, а какой-то бедный лесной дух, чьи сплетенные ноги привели его к беде.

СЧАСТЛИВЫЕ И НЕСЧАСТНЫЕ БОГОСЛОВЫ

/

Одна женщина из Майо однажды сказала мне: "Я знала одну служанку, которая повесилась из любви к Богу. Ей было одиноко в обществе священника, и она повесилась на перилах с помощью шарфа. Не успела она умереть, как стала белой, как лилия, а если бы это было убийство или самоубийство, то она стала бы черной, как негр. Похоронили ее по-христиански, и священник сказал, что она не успела умереть, как уже была с Господом. Так что не имеет значения, что вы делаете из любви к Богу". Я не удивляюсь тому, с каким удовольствием она рассказывает эту историю, ведь она сама любит все святое с такой страстью, что оно быстро подносится к ее устам. Однажды она сказала мне, что никогда не слышит в проповеди ничего такого, что не видела бы потом своими глазами. Она описывала мне врата Чистилища, как они предстали перед ее глазами, но я не помню ничего из этого описания, кроме того, что она видела не души, попавшие в беду, а только врата. Ее ум постоянно останавливается на том, что приятно и красиво. Однажды она спросила меня, какой месяц и какой цветок самые красивые. Когда я ответил, что не знаю, она сказала, что "месяц май - из-за Девы Марии, а ландыш - потому что он никогда не грешил, но вышел чистым из скал", а затем спросила, "в чем причина трех холодных месяцев зимы?". Я не знал даже этого, и тогда она ответила: "Грех человека и месть Бога". Сам Христос в ее глазах был не только благословен, но и совершенен во всех мужских пропорциях, так сильно сочетались в ее мыслях красота и святость. Только Он один из всех людей имел рост ровно шесть футов, все остальные - чуть больше или чуть меньше.

[FN#5] Религиозное общество, к которому она принадлежала.

Ее мысли и взгляды на народ фейри тоже приятны и красивы, и я никогда не слышал, чтобы она называла их падшими ангелами. Они такие же люди, как мы, только лучше выглядят, и много раз она подходила к окну, чтобы посмотреть, как они везут свои повозки по небу, повозка за повозкой в длинной веренице, или к двери, чтобы послушать, как они поют и танцуют в Форте. Кажется, они поют в основном песню под названием "Далекий водопад", и хотя однажды они сбили ее с ног, она никогда не думает о них плохо. Чаще всего она видела их, когда служила в графстве Кингс, и однажды утром, совсем недавно, она сказала мне: "Вчера вечером я ждала хозяина, было четверть одиннадцатого. Я услышала удар прямо по

столу. "Королевское графство", - говорю я и хохочу до упаду. Это было предупреждение, что я слишком долго задерживаюсь. Они хотели, чтобы это место было в их распоряжении". Однажды я рассказал ей, что кто-то увидел фейри и упал в обморок, и она сказала: "Это мог быть не фейри, а какая-то плохая штука, никто не может упасть в обморок от фейри. Это был демон. Я не испугалась, когда меня и кровать под мной вынесли через крышу. Я не испугалась и тогда, когда ты был за какой-то работой, и я услышала, как по лестнице, словно угорь, поднимается какая-то тварь и визжит. Оно заглянуло во все двери. Оно не могло войти туда, где был я. Я бы отправил его во вселенную, как вспышку огня. На моем месте был человек, рваный парень, и он уложил одного из них. Он вышел встречать его на дорогу, но ему, должно быть, сказали слова. Но фейри - самые лучшие соседи. Если ты делаешь им добро, они делают добро тебе, но они не любят, когда ты оказываешься на их пути". В другой раз она сказала мне: "Они всегда добры к бедным".

//

В одной из деревень Голуэя есть человек, который не видит ничего, кроме зла. Одни считают его очень святым, другие - немного сумасшедшим, но некоторые из его разговоров напоминают те старые ирландские видения о Трех мирах, которые, как предполагается, подсказали Данте план "Божественной комедии". Но я не могу представить, что этот человек видел Рай. Он особенно зол на народ фейри и описывает фавноподобные ноги, которые так распространены среди них, которые действительно являются детьми Пана, чтобы доказать, что они дети Сатаны. Он не признает, что "они уносят женщин, хотя многие так говорят", но он уверен, что они "густы, как морской песок, и искушают бедных смертных".

Он говорит: "Один священник, которого я знаю, смотрел по земле, словно охотясь за чем-то, и голос сказал ему: "Если ты хочешь увидеть их, ты увидишь их достаточно", и его глаза открылись, и он увидел землю, усеянную ими. Иногда они поют, иногда танцуют, но все время у них перепончатые ноги". Однако он настолько презирал нехристианские вещи за все их танцы и пение, что считает, что "стоит только попросить их уйти, и они уйдут". Однажды ночью, - рассказывает он, - возвращаясь из Кинвары и проходя мимо леса, я почувствовал, что один из них едет рядом со мной, и я ощутил лошадь, на которой он ехал, и то, как он поднимает ноги, но они не издают звука, как копыта лошади. Тогда я остановился, повернулся и сказал очень громко: "Уходи!", и он ушел и больше никогда меня не беспокоил. И я знал одного человека, который умирал, и один из них пришел к нему на кровать, и он крикнул ему: "Убирайся отсюда, неестественное животное!", и он ушел от него. Они падшие ангелы, и после грехопадения Бог сказал: "Да будет ад", и он был там в одно мгновение". Старушка, сидевшая у костра, присоединилась к его словам: "Боже, спаси нас, как жаль, что Он сказал это слово, и в тот день Ада могло бы и не быть", но провидец не обратил внимания на ее слова. Он продолжил: "И тогда он спросил дьявола, что бы он хотел получить за души всех людей. И сказал дьявол, что ничто не удовлетворит его, кроме крови сына девственницы, и он получил ее, и тогда врата Ада открылись". Он понял эту историю так, словно это была какая-то загадочная старая народная сказка.

"Я сам видел Ад. Однажды я видел его в видении. Вокруг него была очень высокая стена, вся из металла, и арка, и прямой проход в нее, как в дворянский сад, только края были отделаны не коробкой, а раскаленным металлом. А внутри стены были переходы, и я не знаю, что там было справа, но слева было пять больших печей, и они были полны душ, которых держали там на больших цепях. И я повернулся и пошел прочь, и, повернувшись, снова посмотрел на стену, и конца ей не было видно".

"В другой раз я увидел Чистилище. Казалось, что оно находится на ровном месте, и вокруг него нет стен, но все оно ярко пылает, и души стоят в нем. И они страдают почти так же, как в аду, только там с ними нет чертей, и у них есть надежда на рай.

И я услышал оттуда призыв: "Помоги мне выйти из этого!"

И когда я посмотрел, это был человек, которого я знал в армии, ирландец, и из этого графства, и я полагаю, что он потомок короля О'Коннора из Афинри.

Я сначала протянул руку, но потом воскликнул: "Я сгорю в пламени, не успев приблизиться к вам на три ярда". Тогда он сказал: "Ну, помоги мне своими молитвами", - и я помог".

"И отец Коннеллан говорит то же самое, помогать мертвым своими молитвами, и он очень умный человек, чтобы читать проповеди, и у него много исцелений, сделанных с помощью святой воды, которую он привез из Лурда".

1902.

ПОСЛЕДНИЙ ГЛЕМАН

Майкл Моран родился около 1794 года в Блэк-Питтс, в дублинском районе Либерти, в переулке Фэддл. Через две недели после рождения он ослеп от болезни и тем самым стал благословением для своих родителей, которые вскоре смогли отправить его рифмовать и просить милостыню на углах улиц и на мостах через Лиффи. Возможно, они желали, чтобы их колчан был полон таких, как он, потому что, свободный от прерывания зрения, его ум стал идеальной эхолокационной камерой, где каждое движение дня и каждая смена общественных страстей шептала себя в рифму или причудливое изречение. К тому времени, когда он вырос до зрелого возраста, он стал признанным ректором всех балладников Свободы. Мадден, ткач, Кирни, слепой скрипач из Уиклоу, Мартин из Мит, М'Брайд неизвестно откуда, и тот М'Грейн, который в последующие дни, когда настоящего Морана уже не было, щеголял в заимствованных плюмажах, вернее, в заимствованных лохмотьях, и утверждал, что никогда не было никакого Морана, кроме него самого, и многие другие, преклонялись перед ним и считали его вождем всего своего племени. Несмотря на свою слепоту, он не испытывал трудностей с поиском жены, а мог выбирать, ибо был как раз той смесью оборванца и гения, которая так дорога сердцу женщины, которая, возможно, потому, что сама полностью условна, любит неожиданное, кривое, обескураживающее. Несмотря на свои лохмотья, он не был лишен и многих прекрасных качеств: помнится, он обожал соус из каперсов и в своем искреннем негодовании по поводу его отсутствия зашел однажды так далеко, что швырнул в жену бараньей ногой. Однако на него было не очень-то приятно смотреть в его грубом фризovém плаще с накидкой и гребешком, в старых вельветовых штанах и огромных брогах, а его крепкая палка крепилась к запястью кожаным ремешком: он был бы страшным потрясением для глемана Макконглинна, если бы этот друг королей увидел его в пророческом видении со столбового камня в Корке. И хотя короткого плаща и кожаного кошелька больше не было, он оставался настоящим глеманом, будучи одновременно поэтом, шутом и народным новостником. Утром, когда он завтракал, жена или кто-нибудь из соседей читали ему газету, и он читал до тех пор, пока не прерывался со словами: "Хватит, у меня есть размышления"; и из этих размышлений складывался дневной запас шуток и рифм. Под его фризovým плащом скрывалось все Средневековье.

Однако в нем не было ненависти Макконглина к церкви и духовенству, потому что, когда плоды его размышлений плохо созревали или когда толпа требовала чего-то более солидного, он декламировал или пел метрическую сказку или балладу о святом или мученике или о библейском приключении. Он стоял на углу улицы и, когда собиралась толпа, начинал примерно так (я копирую запись одного из тех, кто его знал): "Собирайтесь вокруг меня, ребята, собирайтесь вокруг меня. Мальчики, я что, стою в луже? Я что, стою в мокром?" И тут же несколько мальчиков воскликнули: "Али, нет! Нет! Вы в хорошем сухом месте. Продолжайте про Святую Марию, продолжайте про Моисея", - каждый придумывал свою любимую сказку. Тогда Моран, подозрительно извиваясь всем телом и хватаясь за лохмотья, раздражался словами: "Все мои друзья-жулики - отступники"; и после заключительного "Если вы не бросите свои трески и развлечения, я завалю кое-кого из вас делом" в качестве предупреждения мальчикам, начинал свою декламацию, а может, еще задерживался, чтобы спросить: "Есть ли сейчас вокруг меня толпа? Есть ли вокруг меня еретик-чернокнижник?" Самой известной из его религиозных историй была "Святая Мария Египетская" - длинная поэма необычайной торжественности, взятая из гораздо более длинного произведения некоего епископа Койла. В ней рассказывалось о том, как одна шустрая египтянка, по имени Мария, без всякой цели следовала за паломниками в Иерусалим, а затем, раскаявшись в том, что сверхъестественное вмешательство не позволило ей войти в Храм, удалилась в пустыню и провела остаток жизни в уединенном покаянии. Когда, наконец, она была на пороге смерти, Бог послал епископа Зосиму, чтобы тот выслушал ее исповедь, принял последнее причастие и с помощью льва, которого он также послал, вырыл ей могилу. Поэма имеет невыносимый каданс восемнадцатого века, но была так популярна и так часто востребована, что Морана вскоре прозвали Зозимусом, и под этим именем его помнят. Была у него и своя поэма под названием "Моисей", которая немного приближалась к поэзии, но не очень. Но он не терпел торжественности и вскоре пародировал свои стихи в следующей оборванной манере:

В Египетской земле, заразной до Нила,
Дочь царя Фараона пошла купаться с шиком.
Она окунулась в воду, затем вышла на берег,
Чтобы высушить свою королевскую шкуру, она побежала вдоль берега.
В камышах она споткнулась и увидела
Улыбающегося младенца в комочке соломы.
Она подняла его и сказала с мягким акцентом,
"Тары-бары-растары, девочки, кому из вас принадлежит ребенок?"

Его юмористические рифмы, однако, чаще всего были язвительны и смешны по отношению к своим современникам. Например, он с удовольствием напоминал некоему сапожнику, отмеченному как демонстрацией богатства, так и личной нечистоплотностью, о его незначительном происхождении в песне, из которой до нас дошла только первая строфа:

В грязном конце Грязного переулка
Жил грязный сапожник Дик Маклейн;
Жена его была в царствование старого короля
Крепкая храбрая женщина-оранжистка.
На Эссекском мосту она напрягала горло,
И шесть пенни были ее банкнотой.
Но Дикки носил новый плащ из отрубей,
Он попал в число йоменов.

Он был фанатиком, как и его сородичи,
И на улицах он дико пел,
О Роли, толи, толи, толи набег, С его старым нефритом.

У него были разные неприятности, и ему приходилось сталкиваться с многочисленными заговорщиками. Однажды его арестовал как бродягу один назойливый пилигрим, но был с триумфом повержен под смех суда, когда Моран напомнил своему поклоннику о прецеденте, созданном Гомером, который, как он объявил, был и поэтом, и слепцом, и нищим. По мере роста его славы ему пришлось столкнуться с более серьезными трудностями. Со всех сторон стали появляться подражатели. Один актер, например, зарабатывал столько же гиней, сколько Моран шиллингов, подражая его изречениям, песням и нарядам на сцене. Однажды вечером этот актер ужинал с друзьями, и возник спор, не переборщил ли он с мимикой. Было решено разрешить его, обратившись к толпе. Ставкой стал ужин за сорок шиллингов в известной кофейне. Актер занял место у Эссекского моста, где любил бывать Моран, и вскоре собрал небольшую толпу. Едва он успел допеть "В стране Египта, заразной до Нила", как появился сам Моран, а за ним еще одна толпа. Толпы встретились в большом волнении и смехе. "Добрые христиане, - вскричал притворщик, - неужели кто-то может так издеваться над бедным темным человеком?"

"Кто это? Это какой-то импостер", - ответил Моран.

"Уйди, негодяй! Это ты - негодяй. Неужели ты не боишься, что небесный свет исчезнет из твоих глаз за то, что ты насмехаешься над бедным темным человеком?"

"Святые и ангелы, неужели нет защиты от этого? Ты самый бесчеловечный негодяй, если пытаешься таким образом лишить меня моего честного хлеба", - ответил бедный Моран.

"И ты, негодяй, не даешь мне продолжить прекрасную поэму. Христиане, не прогоните ли вы этого человека? Он пользуется моей темнотой".

Притворщик, видя, что ему досталось по полной программе, поблагодарил людей за сочувствие и защиту и продолжил поэму, а Моран некоторое время слушал его в недоуменном молчании. Через некоторое время Моран снова запротестовал:

"Неужели никто из вас не может меня знать? Разве вы не видите, что это я, а это кто-то другой?"

"Прежде чем я смогу продолжить эту прекрасную историю, - прервал его притворщик, - я призываю вас внести свои благотворительные взносы, чтобы помочь мне продолжить".

"Неужели ты не хочешь спастись, насмешник небес?" - вскричал Моран, совершенно выведенный из себя этим последним оскорблением, - "Неужели ты ограбишь бедняков, равно как и погубишь весь мир? О, известно ли когда-нибудь такое нечестие?"

"Предоставляю вам самим, друзья мои, - сказал притворщик, - отдать деньги настоящему темному человеку, которого вы все так хорошо знаете, и спасти меня от этого мошенника", - и с этими словами он собрал несколько пенни и полпенса. Пока он это делал, Моран начал свою "Марию Египетскую", но возмущенная толпа, схватив его палку, уже собиралась избить его, как вдруг отступила назад, вновь озадаченная его близким сходством с собой. Теперь претендент обратился к ним с призывом: "Дайте ему только ухватить этого негодяя, и он

скоро даст ему понять, кто здесь обидчик!" Они подвели его к Морану, но тот, вместо того чтобы заключить с ним сделку, сунул ему в руку несколько шиллингов и, обратившись к толпе, объяснил, что он действительно актер и что он только что выиграл пари, после чего удалился на фоне всеобщего энтузиазма, чтобы съесть выигранный ужин.

В апреле 1846 года священнику сообщили, что Майкл Моран умирает. Он нашел его на Патрик-стрит, 15 (теперь 14 1/2), на соломенной подстилке, в комнате, полной оборванных исполнителей баллад, пришедших поддержать его последние минуты. После смерти певцы баллад, со множеством скрипок и прочего, пришли снова и устроили ему прекрасные поминки, каждый добавлял к веселью все, что знал, в виде ранна, сказки, старой байки или причудливой рифмы. У него был свой день, он помолился и исповедовался, и почему бы им не устроить ему пышные проводы? Похороны состоялись на следующий день. В катафалк вместе с гробом села целая компания его поклонников и друзей, так как день выдался сырой и противный. Не успели они отойти далеко, как один из них воскликнул: "Это жестокий каульд, не так ли?" "Гарра", - ответил другой, - "мы все окоченеет, как труп, когда доберемся до беррин-граунда". "Плохо ему, - сказал третий, - лучше бы он продержался еще месяц, пока не установится хорошая погода". После этого человек по имени Кэрролл принес полпинты виски, и все выпили за душу усопшего. Однако, к несчастью, катафалк оказался перегружен, и они не успели доехать до кладбища, как пружина сломалась, а вместе с ней и бутылка.

Моран, должно быть, чувствовал себя странно и неуместно в том другом царстве, в которое он попал, возможно, пока его друзья пили в его честь. Будем надеяться, что для него нашлась какая-то добрая середина, где он сможет призывать к себе растрепанных ангелов какой-нибудь новой, более ритмичной формой своей старой песни

Соберитесь вокруг меня, мальчики, не так ли?

Соберитесь вокруг меня?

И послушайте, что я хочу сказать.

Пока Ульд Сэлли не принес мне

Мой хлеб и кувшин с таем;

и бросать возмутительные реплики и кривляния херувимам и серафимам. Может быть, он найдет и соберет, пусть и оборванца, лилию высокой правды, розу далекой красоты, из-за отсутствия которых столько писателей Ирландии, знаменитых или забытых, были тщетны, как пена на берегу.

REGINA, REGINA PIGMEORUM, VENI

Однажды вечером мужчина средних лет, всю жизнь проживший вдали от шума колес кэбов, молодая девушка, его родственница, которая, по слухам, была достаточно прозорлива, чтобы уловить мелькание непостижимых огней, движущихся по полям среди скота, и я шли по песчаному берегу далеко на западе. Мы разговорились о Забывчивом народе, как иногда называют фейри, и в разгар беседы подошли к одному из их примечательных мест - неглубокой пещере среди черных скал, с отражением под ней в мокром морском песке. Я спросил девушку, видит ли она что-нибудь, ведь у меня было немало вопросов к Забывчивому народу. Несколько минут она стояла неподвижно, и я увидел, что она впала в некое подобие бодрствующего транса, в котором ни холодный морской бриз больше не беспокоил ее, ни унылый гул моря не отвлекал ее внимания. Тогда я вслух назвал имена великих фей, и через минуту-другую она сказала, что слышит музыку далеко за скалами, а

затем звуки сбивчивого разговора и топот ног людей, аплодирующих какому-то невидимому исполнителю. До этого мой друг ходил взад-вперед в нескольких ярдах от нас, но теперь он прошел рядом с нами и вдруг сказал, что нас прервут, так как он услышал детский смех где-то за скалами. Однако мы были совершенно одни. Духи этого места начали оказывать свое влияние и на него. Через мгновение его слова подтвердила девушка, сказав, что взрывы смеха стали смешиваться с музыкой, сбивчивыми разговорами и шумом ног. Затем она увидела яркий свет, льющийся из пещеры, которая, казалось, стала намного глубже, и множество маленьких человечков в разноцветных платьях, среди которых преобладали красные, танцующих под мелодию, которую она не узнала.

[Люди и фейри в Ирландии иногда такие же большие, как мы, иногда больше, а иногда, как мне говорили, около трех футов в высоту. Старуха из Майо, которую я так часто цитирую, считает, что это что-то в наших глазах, из-за чего они кажутся большими или маленькими.

Затем я попросил ее позвать королеву маленьких людей, чтобы она пришла и поговорила с нами. Однако ответа на ее просьбу не последовало. Тогда я повторил эти слова вслух, и через мгновение из пещеры вышла очень красивая высокая женщина. К этому времени я тоже впал в некий транс, в котором то, что мы называем нереальным, стало приобретать характер реальности, и смог разглядеть слабый блеск золотых украшений, теневой расцвет тусклых волос. Тогда я велел девушке сказать этой высокой королеве, чтобы она расставила своих последователей в соответствии с их естественным распределением, чтобы мы могли их увидеть. Как и прежде, я обнаружил, что мне приходится повторять приказ самому. Затем существа вышли из пещеры и собрались, если я правильно помню, в четыре группы. Одна из этих групп несла в руках ветви кипрея, у другой были ожерелья, сделанные, по-видимому, из змеиной чешуи, но их одежды я не помню, так как был полностью поглощен этой сверкающей женщиной. Я попросил ее сказать провидцу, являются ли эти пещеры самым большим пристанищем фейри в окрестностях. Ее губы шевельнулись, но ответ был неслышен. Я попросил провидицу положить руку на грудь королевы, и после этого она услышала каждое слово совершенно отчетливо. Нет, это было не самое большое место обитания фейри, ибо чуть дальше находилось еще одно. Тогда я спросил ее, правда ли, что она и ее люди уносят смертных, и если да, то вставляют ли они другую душу на место той, которую забрали? "Мы меняем тела", - был ее ответ. "Кто-нибудь из вас когда-нибудь рождался в смертной жизни?" "Да". "Знаю ли я тех, кто был среди вашего народа до рождения?" "Да". "Кто они?" "Тебе не подобает этого знать". Тогда я спросил, не является ли она и ее народ "драматизацией наших настроений"? "Она не понимает, - ответил мой друг, - но говорит, что ее люди очень похожи на людей и делают почти все то же самое, что и люди". Я задавал ей и другие вопросы, касающиеся ее природы и предназначения во Вселенной, но, казалось, только озадачивал ее. Наконец она, похоже, потеряла терпение и написала для меня на песке - на песке видения, а не на песке под ногами: "Будь осторожен и не стремись узнать о нас слишком много". Видя, что я обидел ее, я поблагодарил ее за то, что она показала и рассказала, и позволил ей снова уйти в свою пещеру. Через некоторое время девушка очнулась от своего транса, снова почувствовала холодный ветер этого мира и начала дрожать.

Я рассказываю об этих событиях настолько точно, насколько могу, и без всяких теорий, размывающих историю. Теории - это в лучшем случае убогие вещи, а большинство моих уже давно погибли. Я люблю больше любой теории звук врат из слоновой кости, поворачивающихся на своих петлях, и считаю, что только тот, кто переступил усыпанный розами порог, может уловить далекий отблеск врат из рога. Возможно, для всех нас было бы хорошо, если бы мы просто подняли крик, который астролог Лилли поднял в Виндзорском

лесу: "Regina, Regina Pigmeorum, Veni", и вспомнили вместе с ним, что Бог посещает своих детей во сне. Высокая, мерцающая королева, подойди и дай мне снова увидеть теневой расцвет твоих тусклых волос.

"И ПРЕКРАСНЫЕ, СВИРЕПЫЕ ЖЕНЩИНЫ"

Однажды одна знакомая мне женщина столкнулась лицом к лицу с героической красотой, той высшей красотой, которая, по словам Блейка, меньше всего меняется от юности к старости, красотой, которая исчезает из искусства с тех пор, как упадок, который мы называем прогрессом, поставил на ее место сладострастную красоту. Она стояла у окна и смотрела на Нокнареа, где, как считается, похоронена королева Мейв, когда увидела, как она мне сказала, "самую прекрасную женщину, которую вы когда-либо видели, идущую прямо с горы и прямо к ней". Женщина держала наготове меч и кинжал, поднятый в руке, и была одета в белое, с голыми руками и ногами. Она выглядела "очень сильной, но не злой", то есть не жестокой. Старуха видела ирландского великана, и "хотя он был прекрасным мужчиной", он не был похож на эту женщину, "потому что он был круглым и не мог бы выйти так по-солдатски"; "она была похожа на миссис ---", статную даму из окрестностей, "но у нее не было живота, она была маленькой и широкой в плечах, и была красивее всех, кого вы когда-либо видели; она выглядела примерно на тридцать". Старушка закрыла глаза руками, а когда открыла их, явление исчезло. Соседи были от нее "в бешенстве", сказала она мне, потому что она не стала дожидаться, чтобы узнать, есть ли послание, так как они были уверены, что это королева Мейв, которая часто показывается летчикам. Я спросил старушку, видела ли она других таких, как королева Мейв, и она ответила: "У некоторых из них волосы опущены, но они выглядят совсем по-другому, как сонные дамы, которых можно увидеть в газетах. Те, у кого волосы подняты, похожи на эту. У остальных длинные белые платья, а у тех, у кого волосы подняты, платья короткие, так что видны ноги до самой икры". После нескольких осторожных расспросов я выяснил, что они носят что-то вроде бускина; она продолжила: "Они прекрасны и лихо выглядят, как мужчины, которых можно увидеть скачущими на лошадях по двое и по трое по склонам гор с размахивающими мечами". Она повторяла снова и снова: "Сейчас нет ни одной подобной расы, ни одной столь прекрасной", и тому подобное, а потом сказала: "Нынешняя королева - милая, приятная на вид женщина, но она не похожа на нее. Что заставляет меня так мало думать о дамах, так это то, что я не вижу их такими, какие они есть", то есть как духи. "Когда я думаю о ней и о нынешних дамах, они похожи на маленьких детей, которые бегают и не знают, как правильно надеть одежду. Дамы ли это? Да я бы вообще не назвал их женщинами". На днях мой друг расспрашивал старуху в рабочем доме Голуэя о королеве Мейв, и ему сказали, что "королева Мейв была красива и одолела всех своих врагов с помощью палки, потому что орешник благословен и является лучшим оружием, которое можно достать. С ней можно пройти весь мир", но в конце концов она стала "очень неприятной - ох, очень неприятной. Лучше не говорить об этом. Лучше оставить это между книгой и слушателем". Мой друг подумал, что старуха затеяла какой-то скандал вокруг Фергюса, сына Роя, и Мейв.

[FN#7] Королева Виктория.

А я сам однажды встретился с молодым человеком на холмах Буррен, который вспомнил старого поэта, писавшего свои стихи на ирландском языке, и в молодости, по словам юноши, встретил ту, что назвалась Майве и сказала, что она королева "среди них", и спросила его, что он хочет - деньги или удовольствие. Он ответил, что хочет удовольствий, и она на время подарила ему свою любовь, а потом ушла от него, и с тех пор он был очень скорбен. Молодой человек часто слышал, как он пел стихотворение-плач, которое сочинил,

но помнил только, что оно было "очень скорбным" и что он называл ее "красавицей из всех красавиц".

1902.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

/

Прошлым летом, закончив работу, я отправлялся бродить по просторному лесу, и там я часто встречал старого деревенского жителя, разговаривал с ним о его работе и о лесе, и раз или два со мной приходил друг, которому он открывал свое сердце охотнее, чем мне. Он провел всю свою жизнь, вырубая с дорожек вязы, орешник, лианы и грабы, и много думал о естественных и сверхъестественных существах леса. Он слышал, как еж - "Гренн Оге", как он его называл, - "хрюкает, как христианин", и был уверен, что тот ворует яблоки, катаясь под яблоней, пока к каждому перышку не прилипнет яблоко. Он также уверен, что у котов, которых в лесу много, есть свой язык - что-то вроде древнеирландского. Он говорит: "Кошки были змеями, и они превратились в кошек во время каких-то больших перемен в мире. Вот почему их трудно убить и почему с ними опасно связываться. Если вы рассердите кошку, она может ударить вас когтями или укусить так, что в вас попадет яд, и это будет змеиный зуб". Иногда он думает, что они превращаются в диких кошек, и тогда на конце их хвостов вырастает ноготь; но эти дикие кошки - не то же самое, что куницы, которые всегда жили в лесу. Лисы когда-то были ручными, как и кошки, но они убежали и стали дикими. Он говорит обо всех диких существах, кроме белок, которых он ненавидит, с, кажется, нежным интересом, хотя иногда его глаза блестят от удовольствия, когда он вспоминает, как в детстве заставлял ежей разворачиваться, подкладывая под них охапку горящей соломы.

Я не уверен, что он четко различает естественное и сверхъестественное. На днях он сказал мне, что лисы и кошки любят, прежде всего, находиться в "фортах" и лиссах после наступления ночи; и он, конечно, перейдет от рассказа о лисе к рассказу о духе с меньшим изменением голоса, чем когда собирается говорить о кунице - редком звере в наши дни. Много лет назад он работал в саду, и однажды его положили спать в садовом домике, где был чердак, полный яблок, и всю ночь он слышал, как над его головой на чердаке грохочут тарелки, ножи и вилки. Однажды, во всяком случае, Би видел неземное зрелище в лесу. Он рассказывает: "Однажды я валил лес в Инчи, и около восьми часов утра, когда я пришел туда, я увидел девушку, которая собирала орехи, ее волосы свисали до плеч, каштановые волосы, у нее было хорошее, чистое лицо, она была высокой, на голове ничего не было, и ее платье было не аляповатым, а простым, и когда она почувствовала мое приближение, она собралась и ушла, как будто земля поглотила ее. А я пошел за ней и искал ее, но так и не смог увидеть ее с того дня и по сей день, никогда больше". Он использовал слово "чистая", как мы бы использовали такие слова, как "свежая" или "красивая".

Другие тоже видели духов в Зачарованном лесу. Один рабочий рассказал нам о том, что видел его друг в той части леса, которая называется Шанвалла, от какой-то старой деревни, которая была до появления сорняков. Он сказал: "Однажды вечером я расстался с Лоренсом Манганом во дворе, а он ушел по тропинке в Шанваллу и пожелал мне спокойной ночи. А через два часа после этого он снова появился во дворе и попросил меня зажечь свечу, которая стояла в конюшне. Он рассказал мне, что, когда он вошел в Шанваллу, рядом с ним появился маленький человечек высотой ему по колено, но с головой размером с человеческое тело, и повел его по тропинке и по кругу, и наконец привел к известковой печи, а потом исчез и оставил его".

Одна женщина рассказала мне о зрелище, которое она и другие видели у одного глубокого бассейна в реке. Она сказала: "Я перебралась через перила из часовни, и другие со мной; и тут подул сильный ветер, и два дерева согнулись и сломались, и упали в реку, и брызги воды из них поднялись до небес. И те, кто был со мной, видели много фигур, но сам я видел только одну, сидевшую там, на берегу, где упали деревья. Одежда на нем была темная, а сам он был без головы".

Один человек рассказал мне, что однажды, когда он был мальчиком, он и еще один мальчик пошли ловить лошадь в некое поле, усеянное валунами и кустами орешника, ползучего можжевельника и каменных роз, то есть там, где берег озера немного расходится с лесом. Он сказал мальчику, который был с ним: "Спорим на пуговицу, что если я брошу камешек в этот куст, то он останется на нем", - имея в виду, что куст был настолько матовым, что камешек не смог бы пройти сквозь него. Тогда он взял "камешек из коровьего навоза, и как только он ударился о куст, из него полилась самая прекрасная музыка, которую когда-либо слышали". Они побежали, а когда прошли около двухсот ярдов, оглянулись и увидели женщину в белом одеянии, которая ходила вокруг куста. "Сначала это была женщина, потом мужчина, и она ходила вокруг куста".

//

Я часто ввязываюсь в спор, более сложный, чем даже пути Инчи, о том, какова истинная природа явлений, но иной раз я говорю, как Сократ, когда ему сообщили мнение ученых о нимфе Иллиса: "Мне достаточно общего мнения". Когда я в настроении, я верю, что вся природа полна людей, которых мы не видим, и что некоторые из них уродливы или гротескны, а некоторые злы или глупы, но очень многие прекраснее всех, кого мы когда-либо видели, и что они совсем недалеко, когда мы гуляем в приятных и тихих местах. Даже когда я был мальчишкой, я никогда не мог пройти по лесу без ощущения, что в любой момент я могу найти перед собой кого-то или что-то, что я долго искал, не зная, что именно. И сейчас я порой исследую каждый уголок бедной рощицы почти тревожными шагами - так глубоко засело во мне это воображение. Вы тоже встречаетесь с подобным воображением, несомненно, где-то, где бы ни находились ваши правящие звезды, Сатурн гонит вас в лес, а Луна, может быть, к краям моря. Я не поверю, что в закате, где наши предки представляли себе мертвых, следующих за своим пастухом - солнцем, нет ничего, кроме какого-то смутного присутствия, столь же малоподвижного, как и ничто. Если красота не является выходом из сети, в которую мы попали при рождении, она недолго будет красотой, и мы найдем лучшее занятие в том, чтобы сидеть дома у огня и откармливать ленивое тело или бегать туда-сюда в каком-нибудь глупом спорте, чем смотреть на прекраснейшее зрелище, которое свет и тень когда-либо создавали среди зеленой листвы. Выбравшись из этих зарослей, я говорю себе, что они, божественный народ, несомненно, существуют, ибо только мы, не обладающие ни простотой, ни мудростью, отрицаем их, а простые люди всех времен и мудрецы древности видели их и даже разговаривали с ними. Они живут своей страстной жизнью не так далеко, как мне кажется, и мы будем среди них, когда умрем, если только сохраним свою природу простой и страстной. Может быть, даже смерть объединит нас со всей романтикой, и когда-нибудь мы будем сражаться с драконами среди голубых холмов или придем к тому, о чем вся романтика только и говорит.

Предвестия, смешанные с образами
злодеяний человека в более великие дни, чем эти,

как думали старики в "Земном рае", когда были в хорошем расположении духа.

ЧУДЕСНЫЕ СУЩЕСТВА

В Зачарованном лесу есть куницы, барсуки и лисы, но есть и более могущественные существа, и озеро скрывает то, что не могут достать ни сети, ни мелководье. Эти существа принадлежат к роду белого оленя, который то и дело появляется в сказках об Артуре, и злой свиньи, убившей Диармуида там, где Бен Бульбен смешивается с морским ветром. Они - волшебники надежды и страха, они из тех, кто летает, и из тех, кто следует за ними в зарослях, что у Врат Смерти. Один мой знакомый вспоминает, что его отец однажды ночью был в лесу Инчи, "где парни Горта обычно воровали прутья". Он сидел у стены, и собака была рядом с ним, и он услышал, как что-то бежит от Оубаун Вейр, и он ничего не видел, но звук его ног по земле был похож на звук ног оленя. И когда оно пронеслось мимо него, собака встала между ним и стеной и царапала ее, словно боялась, но он по-прежнему ничего не видел, а только слышал звук копыт. И когда собака прошла мимо, он повернулся и пошел домой. В другой раз, - говорит мужчина, - отец рассказывал мне, что был в лодке на озере с двумя или тремя мужчинами из Горта, и у одного из них было копье для ловли угрей, и он бросил его в воду, и оно ударилось обо что-то, и мужчина потерял сознание, и его пришлось вынести из лодки на сушу, а когда он пришел в себя, то сказал, что то, что он ударил, было похоже на теленка, но что бы это ни было, это была не рыба!" Один мой друг убежден, что эти ужасные существа, так часто встречающиеся в озерах, были поставлены там в давние времена хитрыми чародеями, чтобы сторожить врата мудрости. Он считает, что если бы мы спустили наших духов в воду, то сделали бы их единой субстанцией со странными настроениями экстаза и силы и отправились бы покорять мир. Однако, по его мнению, сначала нам придется столкнуться со странными образами, наполненными более мощной жизнью, чем если бы они были живыми, и, возможно, свергнуть их. Возможно, мы будем смотреть на них без страха, когда переживем последнее приключение, то есть смерть.

1902.

АРИСТОТЕЛЬ О КНИГАХ

Друг, который может заставить дровосека говорить с большей готовностью, чем с кем-либо другим, недавно отправился навестить свою старую жену. Она живет в домике неподалеку от опушки леса и так же полна старинных разговоров, как и ее муж. На этот раз она начала рассказывать о легендарном каменщике Гобане и его мудрости, но потом сказала: "Книжный Аристотель тоже был очень мудрым, и у него был большой опыт, но разве пчелы в конце концов не взяли над ним верх? Он хотел узнать, как они собирают гребень, и потратил большую часть двух недель, наблюдая за ними, но так и не смог увидеть, как они это делают. Тогда он сделал улей со стеклянной крышкой, поставил его над ними и решил посмотреть. Но когда он подошел и поднес глаза к стеклу, оно было покрыто воском, так что стало черным, как горшок; и он ослеп, как и прежде. Он сказал, что до тех пор ему никогда не давали правильного килта. В тот раз они его точно поймали!"

1902.

СВИНЬЯ БОГОВ

Несколько лет назад один мой друг рассказал мне о том, что случилось с ним, когда он был молодым человеком и отправился на бурение с несколькими коннаутскими фенийцами. Они ехали на полной машине по склону холма, пока не добрались до тихого места. Они вышли из машины и, взяв винтовки, пошли дальше на холм и некоторое время занимались бурением.

Когда они спускались вниз, то увидели очень худую, длинноногую свинью, похожую на старую ирландскую, и она стала следовать за ними. Один из них в шутку крикнул, что это сказочная свинья, и все стали бежать, чтобы поддержать шутку. Свинья тоже побежала, и вскоре, как никто не знает, этот шуточный ужас превратился в настоящий, и они побежали, спасая свои жизни. Когда они добрались до машины, то заставили лошадь скакать как можно быстрее, но свинья все еще следовала за ними. Тогда один из них поднял винтовку, чтобы выстрелить, но, посмотрев вдоль ствола, ничего не увидел. Вскоре они свернули за угол и подъехали к деревне. Они рассказали жителям деревни о случившемся, и те, взяв вилы, лопаты и прочее, пошли с ними по дороге, чтобы прогнать свинью. Когда они повернули к дороге, то ничего не нашли.

1902.

ГОЛОС

Однажды я шел по болотистой местности неподалеку от Инчи Вуд, когда внезапно, всего на секунду, ощутил чувство, которое, как я сказал себе, является корнем христианского мистицизма. Меня охватило чувство слабости, зависимости от великого личного Существа, находящегося где-то далеко, но в то же время рядом. Ни одна моя мысль не подготовила меня к этому чувству, ибо я был занят Аэнгусом и Эдайном, а также Маннананом, сыном моря. В ту ночь я проснулся, лежа на спине, и услышал голос, говоривший надо мной: "Ни одна человеческая душа не похожа на другую человеческую душу, и потому любовь Бога к любой человеческой душе безгранична, ибо никакая другая душа не может удовлетворить ту же потребность в Боге". Через несколько ночей после этого я проснулся и увидел самых прекрасных людей, которых когда-либо видел. У моей постели стояли юноша и девушка, одетые в оливково-зеленые одежды, покроем напоминающие древнегреческие. Я посмотрел на девушку и заметил, что ее платье собрано на шее в некое подобие цепи, или, возможно, в некую жесткую вышивку, изображающую листья плюща. Но что меня поразило, так это удивительная мягкость ее лица. Сейчас таких лиц нет. Оно было красивым, как немногие красивые лица, но в нем не было, как можно подумать, того света, который бывает в желании, или в надежде, или в страхе, или в догадках. Оно было спокойным, как лица животных или как горные водоемы в вечернее время, настолько спокойным, что было немного грустно. На мгновение я подумал, что она может быть возлюбленной Аэнгуса, но откуда у этого охочего, манящего, счастливого, бессмертного негодяя такое лицо? Несомненно, она была из детей Луны, но кто из них, я никогда не узнаю.

1902.

КИДНАППЕРЫ

Немного севернее города Слайго, на южной стороне Бен-Бульбена, на высоте нескольких сотен футов над равниной, есть небольшой белый квадрат в известняке. Ни один смертный не прикасался к нему рукой, ни одна овца или коза не паслась на траве рядом с ним. На земле нет более недоступного места, и мало найдется более окруженных благоговейным страхом. Это дверь в страну фейри. Посреди ночи она распаивается, и неземной отряд выбегает наружу. Всю ночь веселый сброд носится по земле, невидимый для всех, разве что в каком-нибудь более чем обычно "нежном" местечке - Друмклиффе или Драм-а-Хэйр - из дверей высовываются ночные головы фейри-докторов, чтобы посмотреть, что за беду творят "дворяне". Для их опытных глаз и ушей поля покрыты красношапочными всадниками, а воздух полон пронзительных голосов - звук, похожий на свист, как записал древний шотландский провидец, и совершенно не похожий на разговоры ангелов, которые "говорят

горлом, как ирландцы", как мудро сказал астролог Лилли. Если поблизости есть новорожденный или новобрачная, ночные "доктора" заглядывают в дом с большей осторожностью, чем обычно, ведь неземной отряд не всегда возвращается с пустыми руками. Иногда новобрачная невеста или новорожденный младенец уходят с ними в свои горы; дверь захлопывается, и новорожденный или новобрачная отныне живут в бескровной стране Фейри; они счастливы, но обречены растаять на Страшном суде, как яркий пар, ибо душа не может жить без печали. Через эту дверь из белого камня и другие двери той страны, где *geabheadh tu an sonas aer pighin* ("радость можно купить за гроши"), выходили короли, королевы и принцы, но власть Фейри так сильно уменьшилась, что в этих моих печальных хрониках нет никого, кроме крестьян.

Где-то в начале прошлого века на западном углу Маркет-стрит в Слайго, где сейчас находится мясная лавка, появился не дворец, как в "Ламии" Китса, а аптекарская лавка, которой управлял некий непостижимый доктор Опендон. Откуда он взялся, никто так и не узнал. В те дни в Слайго жила женщина по фамилии Ормсби, чей муж загадочным образом заболел. Доктора ничего не могли с ним сделать. Казалось, с ним ничего не случилось, но он становился все слабее и слабее. Жена отправилась к доктору Опендону. Ее провели в салон магазина. Черный кот сидел прямо перед камином. Она успела заметить, что на буфете лежат фрукты, и сказать себе: "Фрукты должны быть полезны, раз у доктора их так много", - как вошел доктор Опендон. Он был одет во все черное, как и кот, а за ним шла его жена, тоже одетая в черное. Она дала ему гинею, а взамен получила маленькую бутылочку. В тот раз ее муж выздоровел. Тем временем черный доктор вылечил многих людей; но однажды умер богатый пациент, и кот, жена и доктор исчезли в ту же ночь. Через год Ормсби снова заболел. Теперь он был красивым мужчиной, и его жена была уверена, что "дворяне" желают его. Она пошла и обратилась к "фейри-доктору" в Кэрнсфут. Как только тот выслушал ее рассказ, он скрылся за задней дверью и начал бормотать, бормотать, бормотать заклинания. Ее муж выздоровел и на этот раз. Но через некоторое время он снова заболел, в роковой третий раз, и она снова отправилась в Кэрнсфут, а фейри-доктор вышел за заднюю дверь и начал бормотать заклинания, но вскоре вошел и сказал, что это бесполезно - ее муж умрет; и, конечно, он умер, и впоследствии, когда миссис Ормсби говорила о нем, она качала головой, говоря, что хорошо знает, где он находится, и это не в раю, не в аду и не в чистилище. Скорее всего, она верила, что вместо него осталось полено, но оно было так заколдовано, что казалось мертвым телом ее мужа.

Сама она уже умерла, но многие живущие еще помнят ее. Полагаю, какое-то время она была служанкой или даже пенсионеркой у моих родственников.

Иногда тем, кого уносят, дают возможность через много лет - обычно через семь - в последний раз взглянуть на своих друзей. Много лет назад одна женщина внезапно исчезла из сада в Слайго, где она гуляла со своим мужем. Когда ее сын, тогда еще младенец, подрос, до него каким-то непередаваемым образом дошла весть, что его мать зачарована фейри, заключена на время в доме в Глазго и жаждет его увидеть. Глазго в те времена парусных кораблей казался крестьянскому уму почти за краем известного мира, но он, будучи послушным сыном, отправился в путь. Долго бродил он по улицам Глазго; наконец в одном из подвалов он увидел свою мать, которая работала. Она была счастлива, сказала, что у нее есть все самое вкусное, и не хочет ли он поесть? И поставила на стол всевозможные яства; но он, прекрасно понимая, что она пытается навести на него чары, давая ему еду фейри, чтобы удержать его при себе, отказался и вернулся домой к своим людям в Слайго.

Примерно в пяти милях к югу от Слайго находится мрачный, заросший деревьями водоем, место скопления водоплавающих птиц, называемый из-за своей формы Сердечным озером.

Его преследуют более странные существа, чем цапля, бекас или дикая утка. Из этого озера, как из белого квадратного камня в Бен-Бульбене, выходит неземной отряд. Однажды люди стали осушать его; вдруг один из них поднял крик, что видит свой дом в огне. Они обернулись, и каждый увидел, что горит его собственный дом. Они поспешили домой, чтобы убедиться, что это был всего лишь фейский обман. И по сей день на границе озера виднеется полувырытая траншея - знак их нечестия. Немного в стороне от этого озера я услышал прекрасную и печальную историю похищения фейри. Рассказала мне ее маленькая старушка в белом чепце, которая пела про себя на гэльском и переминалась с ноги на ногу, словно вспоминая танцы своей юности.

Молодой человек, идущий в сумерках к дому своей только что вышедшей замуж невесты, встретил на пути веселую компанию, а с ними и свою невесту. Они были фейри, и украли ее в жены для вождя своего племени. Для него они казались просто компанией веселых смертных. Невеста, увидев свою старую любовь, поприветствовала его, но очень боялась, как бы он не съел пищу фейри и не превратился из земли в бескровный тусклый народ, поэтому она усадила его играть в карты с тремя из кавалькады; и он играл дальше, ничего не понимая, пока не увидел, как вождь группы уносит его невесту на руках. Он тут же вскочил на ноги и понял, что это фейри, ибо постепенно вся эта веселая компания растворилась в тени и ночи. Он поспешил к дому своей возлюбленной. Когда он приблизился, до него донесся крик фейри. Она умерла за некоторое время до его прихода. Какой-то безвестный гэльский поэт превратил это в забытую балладу, несколько странных стихов из которой мой белобрысый друг вспомнил и спел для меня.

Иногда можно услышать, что украденные люди действуют на живых как добрые джинны, как в этой истории, услышанной неподалеку от пруда с привидениями, о Джоне Кирване из замка Хакет. Кирваны - семья, о которой ходит много слухов в крестьянских историях, и считается, что они - потомки человека и духа. Они всегда славилась красотой, и я читал, что мать нынешнего лорда Клонкурри была из их рода.

[FN#8] С тех пор я слышал, что не кирваны, а их предшественники в замке Хакет, сами Хакеты, я думаю, происходили от человека и духа и отличались красотой. Я полагаю, что мать лорда Клонкурри происходила из рода Хакет. Вполне возможно, что во всех этих историях имя Кирван заняло место более древнего имени. Легенда смешивает все в своем котле.

Джон Кирван был большим любителем скачек и однажды приземлился в Ливерпуле с прекрасной лошадей, собираясь участвовать в скачках где-то в средней Англии. В тот вечер, когда он прогуливался у доков, к нему подошел мальчишка и спросил, где он ставит свою лошадь. В таком-то и таком-то месте, - ответил он. "Не ставь его там, - сказал мальчишка, - эту конюшню сожгут сегодня ночью". Он отвел лошадь в другое место, и, конечно, конюшня сгорела. На следующий день мальчик пришел и попросил в качестве вознаграждения выступить в качестве жокея на предстоящей скачке, а затем исчез. Наступило время скачек. В последний момент мальчик выбежал вперед и сел на коня со словами: "Если я ударю его кнутом левой рукой, то проиграю, а если правой, то ставь все, что стоишь". Ибо, сказал Пэдди Флинн, рассказавший мне эту историю, "левая рука ни на что не годится. Я могу продолжать совершать ею крестное знамение и все такое прочее на Рождество, и баньши, и тому подобные существа будут не более против, чем если бы это была та самая метла". Ну что ж, этот неуклюжий мальчишка ударил лошадь правой рукой, и Джон Кирван убрался с поля. Когда скачки закончились, он спросил: "Что я могу сделать для вас теперь?" "Ничего, кроме этого", - ответил мальчик: "У моей матери есть домик на вашей земле - они украли меня из колыбели. Будь добр к ней, Джон Кирван, и куда бы ни поехали твои лошади, я буду следить,

чтобы за ними не водилось зла; но ты никогда больше меня не увидишь". С этими словами он набрал в легкие воздуха и исчез.

Иногда уносят животных, причем утопленников, по-видимому, больше, чем других. В Клареморрисе, Голуэй, рассказывал мне Пэдди Флинн, жила бедная вдова с одной коровой и ее теленком. Корова упала в реку, и ее смыло. Был там один человек, который пошел к рыжеволосой женщине - ведь считается, что такие женщины мудры в таких делах, - и она велела ему отнести теленка на край реки, спрятаться и наблюдать. Он сделал все, как она велела, и с наступлением вечера теленок начал опускаться, а через некоторое время корова подошла к краю реки и начала его сосать. Тогда, как ему и было велено, он поймал корову за хвост. Они пошли в быстром темпе через живые изгороди и канавы, пока не пришли к роялти (так называют маленькие круглые канавы, обычно называемые раттами или фортами, которыми Ирландия покрыта с языческих времен). Там он увидел идущих или сидящих людей, которые в свое время вымерли из его деревни. На краю сидела женщина с ребенком на коленях, и она позвала его, чтобы он вспомнил, что сказала ему рыжеволосая женщина, и он вспомнил, что она сказала: "Сделай кровь корове". Он воткнул нож в корову и пустил кровь. Это разрушило заклятие, и он смог вернуть ее домой. "Не забудь про спаннель, - сказала женщина с ребенком на коленях, - возьми ту, что внутри". На кусте было три шпанзеля; он взял один, и корова благополучно вернулась домой к вдове.

Вряд ли найдется долина или горный склон, где люди не рассказывали бы о том, что кто-то из них был ограблен. В двух-трех милях от Сердечного озера живет старуха, которую украли в молодости. Через семь лет ее по какой-то причине вернули домой, но у нее не осталось пальцев на ногах. Она их отплясывала. В Бен-Бульбене у многих возле двери из белого камня украли ноги.

В городах гораздо легче быть благоразумным, чем во многих сельских местах, о которых я мог бы вам рассказать. Когда вечером идешь по серым дорогам у душистых бузиновых кустов белых коттеджей, глядя на блеклые горы, собирающие облака на свои головы, то за тонкой паутинной пеленой чувств очень легко обнаружить этих существ, гоблинов, спешащих от белой квадратной каменной двери на севере или от озера Сердца на юге.

НЕУТОМИМЫЕ

Одна из главных бед жизни заключается в том, что мы не можем испытывать никаких смешанных эмоций. В нашем враге всегда есть что-то, что нам нравится, а в возлюбленном - что-то, что нам не нравится. Именно это переплетение настроений старит нас, морщит брови и углубляет борозды у глаз. Если бы мы могли любить и ненавидеть с таким же добрым сердцем, как фейри, мы могли бы стать такими же долгожителями, как они. Но до этого дня их неустанные радости и печали должны составлять лишь половину их очарования. Любовь к ним никогда не устает, как и круги звезд не утомляют их танцующие ноги. Крестьяне Донегала помнят об этом, когда склоняются над лопатой или сидят, полные тяжести полей, возле жаровни в сумерках, и рассказывают истории, чтобы это не забылось. Не так давно, говорят они, два фейри, маленькие существа, одно похожее на юношу, другое на девушку, пришли в дом фермера и провели ночь, подметая очаг и наводя порядок. На следующую ночь они пришли снова и, пока фермера не было дома, перенесли всю мебель в одну комнату и, расставив ее по стенам, для пущей пышности, начали танцевать. Они танцевали все дальше и дальше, и проходили дни за днями, и все жители деревни приходили посмотреть на них, но ноги их не уставали. Крестьянин не решался жить дома все это время; а через три месяца он решил, что больше терпеть нельзя, и пошел сказать им, что приезжает священник. Маленькие существа, услышав это, вернулись в свою страну, и там их радость

будет длиться до тех пор, пока камыши не станут коричневыми, говорят люди, и так до тех пор, пока Бог не сожжет мир поцелуем.

Но не только фейри знают неустанные дни, ведь были мужчины и женщины, которые, поддавшись их чарам, достигли, возможно, по праву своих божественных духов, еще большего, чем фейри, изобилия жизни и чувств. Кажется, когда смертные уходили среди этих бедных счастливых листьев Нетленной розы красоты, разлетающихся туда-сюда под ветрами, пробуждающими звезды, тусклое царство, возможно, немного печально, признавало их право на рождение и отдавало им все самое лучшее. Давным-давно в одной из деревень на юге Ирландии родилась такая смертная. Она спала в колыбели, а ее мать сидела рядом и качала ее, когда вошла женщина из племени сидхе (фейри) и сказала, что ребенок выбран в невесты принцу тусклого королевства, но поскольку его жене не подобает стареть и умирать, пока он еще находится в первой пылкой любви, она будет одарена жизнью фейри. Мать должна была взять из огня светящееся полено и закопать его в саду, и ее ребенок будет жить до тех пор, пока оно не будет съедено. Мать закапывала полено, а ребенок вырастал, становился красавцем и выходил замуж за принца фейри, который приходил к ней в сумерках. Через семьсот лет принц умер, и вместо него стал править другой принц, который в свою очередь женился на прекрасной крестьянке; еще через семьсот лет умер и он, и на его место пришел другой принц и другой муж, и так до тех пор, пока у нее не было семь мужей. Наконец однажды к ней пришел приходской священник и сказал, что своими семью мужьями и долгой жизнью она наводит ужас на всю округу. Ей было очень жаль, сказала она, но она ни в чем не виновата, и тогда она рассказала ему о полене, и он сразу же пошел и копал, пока не нашел его, а потом они сожгли его, и она умерла, и ее похоронили как христианку, и все были довольны. Такой смертной была и Клут-на-Баре,[FN#9] которая обошла весь мир в поисках озера, достаточно глубокого, чтобы утопить свою жизнь фейри, от которой она устала, прыгая с холма на озеро и с озера на холм, и устанавливая каирн из камней везде, где ступала ее нога, пока наконец не нашла самую глубокую воду в мире в маленьком Лаф-Иа, на вершине Птичьей горы в Слайго.

[FN#9] Несомненно, Clooth-na-bare должно быть Cailleac Bare, что означает "старая женщина Бэр". Бэр, или Бере, или Вера, или Дера, или Дхера была очень известной личностью, возможно, матерью самих богов. Один мой друг нашел ее, как он думает, часто посещающей Lough Leath, или Серое озеро на горе Фьюз. Возможно, Lough la - это мой слух, или рассказчик неправильно произнес Lough Leath, ведь Lough Leath много.

Два маленьких существа могут танцевать дальше, а женщина из бревна и Клут-на-Баре спать спокойно, ибо они познали необузданную ненависть и несмешанную любовь, и никогда не утомляли себя "да" и "нет", и не опутывали свои ноги жалкими сетями "может быть" и "возможно". Великие ветры пришли и унесли их в себя.

ЗЕМЛЯ, ОГОНЬ И ВОДА

Один французский писатель, которого я читал в детстве, говорил, что пустыня вошла в сердце евреев во время их скитаний и сделала их такими, какие они есть. Я не помню, какими доводами он доказывал, что они все еще являются неразрушимыми детьми земли, но вполне может быть, что у стихий есть свои дети. Если бы мы лучше знали поклонников огня, мы могли бы обнаружить, что их многовековое благочестивое соблюдение было вознаграждено, и, что огонь дал им немного своей природы; и я уверен, что вода, вода морей и озер, туманов и дождей, создала ирландцев по своему образу и подобию. Образы постоянно формируются в нашем сознании, словно отражаясь в каком-то бассейне. В давние времена мы предавались мифологии и видели богов повсюду. Мы разговаривали с

ними лицом к лицу, и историй об этом общении так много, что, думаю, они превосходят все подобные истории во всей остальной Европе. Даже сегодня наши деревенские жители разговаривают с мертвыми и с теми, кто, возможно, никогда не умирал так, как мы понимаем смерть; и даже наши образованные люди без особого труда переходят в состояние покоя, которое является состоянием видения. Мы можем сделать наш ум таким, как тихая вода, что вокруг нас собираются существа, чтобы увидеть, возможно, свои собственные образы, и так жить на мгновение более ясной, возможно, даже более яростной жизнью из-за нашей тишины. Разве мудрый Порфирий не считал, что все души рождаются благодаря воде и что "даже порождение образов в уме - от воды"?

1902.

СТАРЫЙ ГОРОД

Однажды ночью, около пятнадцати лет назад, я попал во власть фейри.

Вместе с молодым человеком и его сестрой - моими друзьями и родственниками - я ходил выпытывать истории у одного старого деревенского жителя, и мы возвращались домой, обсуждая то, что он нам рассказал. Было темно, а наше воображение было возбуждено его рассказами о явлениях, и, возможно, это привело нас, самих того не ведая, к порогу между сном и бодрствованием, где сфинксы и химеры сидят с открытыми глазами и где всегда раздаются шорохи и шепот. Я не могу считать, что увиденное нами было воображением бодрствующего разума. Мы прошли под деревьями, из-за которых дорога была очень темной, когда девушка увидела яркий свет, медленно двигавшийся по дороге. Мы с братом ничего не видели и не видели до тех пор, пока не прошли около получаса вдоль берега реки и по узкой дорожке к полям, где стояла разрушенная церковь, увитая плющом, и фундамент так называемого "Старого города", который, как говорили, был сожжен во времена Кромвеля. Насколько я помню, мы стояли несколько минут, глядя на поля, усеянные камнями, зарослями бузины, когда я увидел на горизонте маленький яркий огонек, медленно поднимавшийся к небу; затем мы видели другие слабые огоньки в течение минуты или двух, и наконец яркое пламя, похожее на пламя факела, быстро двигалось над рекой. Мы видели все это в таком сне, и все это казалось таким нереальным, что до сих пор я никогда не писал об этом и почти никогда не говорил об этом, и даже когда думал, из-за какого-то неразумного импульса избегал придавать этому значение в споре. Возможно, я чувствовал, что мои воспоминания о вещах, увиденных, когда чувство реальности было ослаблено, должны быть недостоверными. Однако несколько месяцев назад я обсудил это с двумя своими друзьями и сравнил их скудные воспоминания со своими собственными. Это ощущение нереальности было тем более удивительным, что на следующий день я услышал звуки, столь же безотчетные, как и те огни, но без всякого чувства нереальности, и я помню их совершенно отчетливо и уверенно. Девушка сидела и читала под большим старомодным зеркалом, а я читал и писал в паре ярдов от нее, когда услышал звук, как будто в зеркало бросили горошину, и, пока я смотрел в него, снова услышал звук, а затем, когда я был один в комнате, услышал звук, как будто что-то гораздо больше горошины ударило о плинтус рядом с моей головой. И после этого в течение нескольких дней появлялись другие зрелища и звуки, но не для меня, а для девушки, ее брата и слуг. То это был яркий свет, то огненные буквы, которые исчезали, не успев быть прочитанными, то тяжелые ноги, передвигающиеся по, казалось бы, пустому дому. Интересно, пришли ли за нами из развалин старого города живые существа, которые, по мнению деревенских жителей, живут везде, где в прежние времена жили мужчины и женщины? Или они пришли с берега реки, от деревьев, где на мгновение блеснул первый свет?

1902.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО САПОГИ

Жил в Донегаде сомневающийся человек, который и слышать не хотел ни о призраках, ни о шеогах, а в Донегаде был дом, в котором жили привидения, сколько человек себя помнил, и вот история о том, как дом одержал верх над человеком. Человек вошел в дом, разжег огонь в комнате под домом с привидениями, снял сапоги и поставил их на очаг, вытянул ноги и согрелся. Некоторое время он преуспевал в своем неверии, но через некоторое время после того, как наступила ночь и все вокруг стало очень темным, один из его сапог начал двигаться. Он поднялся с пола и как бы медленно подпрыгнул в сторону двери, затем то же самое сделал другой сапог, а после этого снова подпрыгнул первый. И тут мужчину осенило, что невидимое существо забралось в его сапоги и теперь удаляется в них. Когда сапоги достигли двери, они медленно поднялись на лестницу, а затем человек услышал, как они топчутся, топчутся по комнате с привидениями над его головой. Прошло несколько минут, и он снова услышал их на лестнице, а затем и в проходе снаружи, после чего один из них вошел в дверь, а другой проскочил мимо него и тоже вошел. Они прыгнули к нему, потом один встал и ударил его, потом другой, потом снова первый, и так далее, пока они не выгнали его из комнаты и, наконец, из дома. Таким образом, он был вышвырнут собственными сапогами, и Донегал был отомщен за своего сомневающегося. Неизвестно, было ли невидимое существо призраком или одним из сидхе, но фантастическая природа мести напоминает работу сидхе, живущих в самом сердце фантазии.

ВОРОНА

Однажды я был в доме моего друга, крепкого фермера, который живет за горами Бен Булбен и Коуп, и встретил там молодого парня, которого, похоже, невзлюбили две дочери. Я спросил, почему они его недолюбливают, и получил ответ, что он трус. Это меня заинтересовало, ведь некоторые, кого крепкие дети природы принимают за трусов, на самом деле являются мужчинами и женщинами с нервной системой, слишком тонкой для их жизни и работы. Я присмотрелся к парню, но нет, в этом розово-белом лице и крепком теле не было ничего от излишней чувствительности. Через некоторое время он рассказал мне свою историю. Он жил дикой и бесшабашной жизнью, пока однажды, за два года до этого, возвращался домой поздно вечером и вдруг почувствовал, что погружается, как бы, в призрачный мир. На мгновение перед ним возникло лицо умершего брата, а затем он повернулся и побежал. Он не останавливался, пока не добежал до коттеджа, расположенного почти в миле от дороги. Он с такой силой ударился о дверь, что сломал толстый деревянный засов и упал на пол. С того дня он отказался от дикой жизни, но стал безнадежным трусом. Ни днем, ни ночью он не мог заставить себя взглянуть на то место, где видел лицо, и часто обходил его за две мили, чтобы не видеть; и, по его словам, "самая красивая девушка в стране" не могла уговорить его проводить ее домой после вечеринки, если он был один. Он боялся всего, ибо смотрел на лицо, которое никто не может увидеть неизменным, - незримое лицо духа.

ТРИ О'БАЙРНА И ЗЛЫЕ ФЕЙРИ

В тусклом царстве в изобилии есть все прекрасные вещи. Там больше любви, чем на земле; там больше танцев, чем на земле; и там больше сокровищ, чем на земле. Вначале земля была, возможно, создана для того, чтобы исполнять желания человека, но теперь она состарилась и пришла в упадок. Что же удивляться, если мы пытаемся расхитить сокровища этого другого царства!

Однажды один друг жил в деревне неподалеку от Слейв Лиг. Однажды он блуждал по рати под названием "Кашел Нор". Человек с изможденным лицом, неухоженными волосами и в изорванной одежде вошел в рат и начал копать. Мой друг обратился к крестьянину, работавшему неподалеку, и спросил, кто этот человек. "Это третий О'Бирн", - был ответ. Через несколько дней после этого он узнал эту историю: В языческие времена в ратте было зарыто огромное количество сокровищ, и несколько злых фей поставили их охранять; но однажды они должны были быть найдены и принадлежать семье О'Бирнов. До этого дня трое О'Бирнов должны найти его и умереть. Двое уже сделали это. Первый копал и копал, пока наконец не разглядел каменный гроб, в котором оно хранилось, но тут же с горы спустилась тварь, похожая на огромную мохнатую собаку, и разорвала его на куски. На следующее утро сокровище снова исчезло в глубинах земли. Второй О'Бирн пришел и копал, копал, пока не нашел гроб, поднял крышку и увидел, что внутри блестит золото. В следующий миг он увидел какое-то ужасное зрелище, обезумел и вскоре умер. Сокровища снова скрылись из виду. Третий О'Бирн сейчас занимается раскопками. Он верит, что умрет каким-то ужасным образом в тот момент, когда найдет сокровища, но заклятие будет снято, и семья О'Бирнов разбогатеет навеки, как это было в старину.

Однажды сокровища увидел крестьянин, живущий по соседству. Он нашел лежащую на траве берцовую кость зайца. Он поднял ее; в ней была дыра; он заглянул в дыру и увидел золото, сложенное под землей. Он поспешил домой, чтобы принести лопату, но когда он снова пришел на тропу, то не смог найти того места, где видел золото.

ДРАМКЛИФФ И РОССЕС

Драмклифф и Россес были, есть и всегда будут - прошу Небес! местами неземного отдыха. Я жил рядом с ними и в них, раз за разом, и собрал таким образом множество крох фейских преданий. Драмклифф - это широкая зеленая долина, лежащая у подножия Бен-Бульбена, горы, в боку которой квадратная белая дверь распаивается в сумерках, чтобы выпустить всадников фейри в мир. Сам великий святой Колумба, строитель многих старых руин в долине, в один знаменательный день поднялся на гору, чтобы своими молитвами приблизиться к небесам. Россес - это небольшая песчаная равнина, разделяющая море, покрытая короткой травой, как зеленой скатертью, и лежащая в пене на полпути между круглым каирном с головой Нокнареа и "Бен Булбеном, знаменитым ястребами":

Но если бы не Бен-Бульбен и Нокнареа.
Many a poor sailor's would be cast away,

как гласит рифма.

В северном углу Россеса есть небольшой мыс из песка, камней и травы: печальное, призрачное место. Ни один мудрый крестьянин не заснет под его низким обрывом, потому что тот, кто спит здесь, может проснуться "глупым" - "добрые люди" унесли его душу. Нет более удобного пути в туманное царство, чем этот обрывистый мыс, ибо, закрытая и занесенная песчаными курганами, длинная пещера уходит туда, "полная золота и серебра, и самых красивых салонов и гостиных". Однажды, до того как ее занесло песком, туда забрела собака, и было слышно, как она беспомощно вопит глубоко под землей в форте, расположенном далеко в глубине страны. Эти форты или рати, созданные еще до начала современной истории, покрывают весь Росс и весь Колумкилл. В том, где вопила собака, как и в большинстве других, есть подземная камера-улей. Однажды, когда я там копался, необычайно умный и "начитанный" крестьянин, который пришел со мной и ждал снаружи,

опустился на колени у отверстия и робким голосом прошептал: "С вами все в порядке, сэр?" Я пробыл под землей совсем немного, и он боялся, что меня унесли, как собаку.

Неудивительно, что он боялся, ведь вокруг форта давно ходят недобрые слухи. Он стоит на гребне небольшого холма, на северном склоне которого расположилось несколько хибарок. Однажды ночью из одного из них вышел молодой сын фермера, увидел пылающий форт и побежал к нему, но тут его охватило "очарование", и он, скрестив ноги, вскочил на забор и принялся бить по нему палкой, так как вообразил, что забор - это лошадь, и всю ночь напролет скакал по деревне. Утром он все еще бил свой забор, и его отнесли домой, где он оставался простаком в течение трех лет, прежде чем снова пришел в себя. Чуть позже один фермер попытался сравнять форт с землей. У него погибли коровы и лошади, его постигли разные неприятности, и в конце концов его самого отвели домой и оставили бесполезным с "головой на коленях у огня до самой смерти".

В нескольких сотнях ярдов к югу от северного угла Росеса находится еще один угол, где тоже есть пещера, но она не засыпана песком. Около двадцати лет назад здесь потерпел крушение бриг, и трое или четверо рыбаков в темноте стали наблюдать за заброшенной громадиной. В полночь они увидели, что на камне в устье пещеры сидят два краснощеких скрипача и изо всех сил дудят в дудки. Мужчины бросились бежать. Большая толпа жителей деревни бросилась к пещере, чтобы посмотреть на скрипачей, но те уже ушли.

Для мудрого крестьянина зеленые холмы и леса вокруг него полны неувядающей тайны. Когда пожилая крестьянка стоит вечером у своей двери и, по ее собственным словам, "смотрит на горы и думает о Божьей благодати", Бог тем ближе, что языческие силы совсем рядом: ведь на севере, в Бен Бульбене, знаменитом ястребами, на закате распаивается белая квадратная дверь, и эти дикие нехристианские всадники мчатся по полям, а на юге Белая Дама, которая, без сомнения, сама Мейв, бродит под широким облачным колпаком Нокнареи. Как она может сомневаться в этом, даже если священник качает головой? Разве не видел Белую Даму один из пастухов, не так давно? Она прошла так близко, что юбка ее платья задела его. "Он упал и был мертв три дня". Но это всего лишь мелкие сплетни фейридом - маленькие стежки, соединяющие этот мир с другим.

Однажды вечером, когда я сидел и ел содовый хлеб миссис Х---, ее муж рассказал мне длинную историю, гораздо лучшую из всех, что я слышал в Россе. Многие бедняки, начиная с Фин М'Кула и заканчивая нашими днями, рассказывали о подобных приключениях, ибо эти существа, "добрые люди", любят повторяться. Во всяком случае, рассказчики любят. "В те времена, когда мы путешествовали по каналу, - рассказывал он, - я возвращался из Дублина. Когда мы приехали в Маллинггар, канал закончился, и я начал идти пешком, и от медлительности я сильно устал. Со мной были друзья, и то мы шли пешком, то ехали в повозке. Так мы шли, пока не увидели девушек, доивших коров, и остановились, чтобы пошутить с ними. Через некоторое время мы попросили у них молока. "Нам не во что его налить, - сказали они, - но пойдемте с нами в дом". Мы пошли с ними домой и сели вокруг костра, разговаривая. Через некоторое время остальные ушли, а я остался, не желая отрываться от доброго огня. Я попросил у девушек что-нибудь поесть. На огне стоял котелок, они достали мясо и положили его на тарелку, а мне велели есть только то, что с головы. Когда я поел, девушки ушли, и больше я их не видел. Становилось все темнее и темнее, а я все сидел, не желая отходить от доброго огня, и через некоторое время вошли двое мужчин, неся между собой труп. Когда я увидел, что они идут, я спрятался за дверь. Один говорит другому, насаживая труп на вертел: "Кто будет вертеть вертел? Другой говорит: "Майкл Х---, выйди оттуда и поверни мясо". Я вышел, весь дрожа, и начал поворачивать вертел. "Майкл Х---, - говорит тот, что говорил первым, - если ты дашь ему сгореть, нам придется насадить тебя

на вертел"; и на этом они вышли. Я сидел, дрожа и поворачивая труп, до полуночи. Снова пришли люди, и один из них сказал, что труп сожжен, а другой - что все сделано правильно. Но, поссорившись, они оба сказали, что в этот раз не причинят мне вреда; и, сев у огня, один из них воскликнул: "Майкл Х---, ты можешь рассказать мне историю?" - "Да, конечно", - сказал я. Тогда он схватил меня за плечо и выкинул, как пушинку. Это была дикая ночь. Никогда за все дни моего рождения я не видел такой ночи - самой темной из всех, что когда-либо появлялись на небе. Я не знал, где нахожусь. И когда один из мужчин подошел ко мне и тронул за плечо: "Майкл Х..., ты можешь сейчас рассказать историю?" - "Могу", - говорю я. Он привел меня и, усадив у костра, сказал: "Начинай". "У меня нет никакой истории, кроме той, - говорю, - что я сидел здесь, а вы, двое мужчин, принесли труп, насадили его на вертел и заставили меня поворачивать его". "Этого хватит, - говорит он, - можете идти туда и лечь на кровать". И я пошел, ничего не боясь; а утром где я только не был - посреди зеленого поля!"

"Драмклифф" - отличное место для предзнаменований. Перед удачным рыболовным сезоном среди грозowych туч появляется бочка с сельдью; а в местечке под названием Коламбиллс-Странд, где много болот и трясин, в лунную ночь из моря приплывает старинная лодка с самым святым Колумбой - предвестие смелого урожая. У них тоже есть свои страшные предвестия. Несколько сезонов назад один рыбак увидел далеко на горизонте знаменитый Хай Брейзел, где тот, кто прикоснется к нему, не найдет больше ни труда, ни забот, ни циничного смеха, а будет гулять под тенистыми боскетами и наслаждаться беседой Кучуллина и его героев. Видение Ну Brazil предвещает национальные беды.

Драмклифф и Россес полны призраков. На болотах, дорогах, тропах, склонах холмов, у морских границ они собираются в самых разных обликах: безголовые женщины, мужчины в доспехах, зайцы-тени, гонимые с огненным языком, тюлени-свистуны и так далее. На днях тюлень-свистун потопил корабль. В ДрамклиFFE есть очень древнее кладбище. В "Анналах Четырех Владык" есть такой стих о воине по имени Денадхач, который умер в 871 году: "Благочестивый солдат из рода Кон лежит под ореховыми крестами в ДрамклиFFE". Не так давно одна старушка, собираясь ночью пойти на церковный двор помолиться, увидела перед собой человека в доспехах, который спросил ее, куда она идет. Это был "благочестивый воин из рода Кон", гласит местная мудрость, который до сих пор с древним благочестием следит за кладбищем. Здесь до сих пор распространен обычай окроплять порог дома кровью цыпленка в случае смерти маленького ребенка, чтобы таким образом (по поверью) отвести злых духов от слишком слабой души. Кровь - великий собиратель злых духов. Считается, что порезать руку о камень, входя в форт, очень опасно.

В ДрамклиFFE и Россах нет более любопытного привидения, чем призрак бекаса. За домом в деревне, которую я хорошо знаю, есть куст: по понятным причинам я не скажу, где именно - в ДрамклиFFE или Росесе, на склоне Бен-Бульбена или даже на равнине вокруг Нокнареа. С этим домом и кустом связана одна история. Когда-то в нем жил человек, который нашел на набережной Слайго пакет, содержащий триста фунтов в банкнотах. Его обронил капитан иностранного судна. Мой знакомый знал об этом, но ничего не сказал. Это были деньги за фрахт, и капитан, не решившись встретиться с хозяевами, покончил с собой в океане. Вскоре после этого мой человек умер. Его душа не могла успокоиться. Во всяком случае, вокруг его дома слышались странные звуки, хотя он вырос и процветал с тех пор, как появились деньги за фрахт. Еще живые люди часто видели жену в саду, молящейся у куста, о котором я говорил, ибо там иногда появлялась тень покойника. Куст сохранился до сих пор: когда-то он был частью живой изгороди, а теперь стоит сам по себе, потому что никто не осмеливается воткнуть в него лопату или секатор. Что касается странных звуков и голосов, то они не

прекращались до тех пор, пока несколько лет назад во время ремонта из прочной штукатурки не вылетел бекас; беспокойный призрак, говорят соседи, искателя записок, наконец, был выдворен.

Мои предки и родственники все эти годы жили неподалеку от Россов и Драмклиффа. В нескольких милях к северу я совершенно чужой человек и ничего не могу найти. Когда я прошу рассказать мне о фейри, мне отвечают примерно так, как ответила мне женщина, живущая возле форта из белого камня - одного из немногих каменных фортов в Ирландии - под морским углом Бен Булбена: "Они всегда занимаются своими делами, а я - своими": ибо говорить об этих существах опасно. Только дружба с самим собой или знание своих предков могут развязать эти осторожные языки. Мой друг, "милый Арфа-Стринг" (из страха перед измерителями я называю его не более чем ирландским именем), владеет наукой распаковывать самые упрямые сердца, но затем он поставляет изготовителям похлебки зерно со своих собственных полей. Кроме того, он ведет свой род от знаменитого гэльского мага, воскресившего "упыря" в век Великой Элизы, и у него есть своего рода законное право слушать рассказы о всевозможных потусторонних существах. Они ему почти родственники, если все, что говорят о происхождении магов, правда.

ТОЛСТЫЙ ЧЕРЕП СЧАСТЛИВЧИКА

/

Однажды несколько исландских крестьян нашли на кладбище, где был похоронен поэт Эгиль, очень толстый череп. По его толщине они были уверены, что это череп великого человека, несомненно, самого Эгиля. Чтобы убедиться в этом, они положили его на стену и сильно ударили по нему молотком. В местах ударов он побелел, но не сломался, и они убедились, что это действительно череп поэта, достойный всяческих почестей. В Ирландии у нас много родственных связей с исландцами, или "датчанами", как мы их называем, и всеми другими жителями скандинавских стран. В некоторых наших горных и бесплодных местах, а также в деревнях на морском побережье мы до сих пор испытываем друг друга примерно так же, как исландцы испытывали голову Эгиля. Возможно, этот обычай достался нам от тех древних датских пиратов, потомки которых, как рассказывают жители Росеса, до сих пор помнят все поля и холмы в Ирландии, принадлежавшие когда-то их предкам, и могут описать сам Росес не хуже любого местного жителя. Есть один приморский район, известный под названием Рафли, где мужчины никогда не бреют и не подстригают свои дикие рыжие бороды и где всегда идет пешая драка. Я видел, как на лодочных гонках они обрушились друг на друга и после громкого гэльского ударили друг друга веслами. Первая лодка села на мель и, нанося удары длинными веслами, не давала второй лодке пройти мимо, а потом отдала победу третьей. Однажды, как рассказывают жители Слайго, в Слайго судили человека из Роули за то, что он проломил череп в драке, и он выступил с защитой, небезызвестной в Ирландии, что некоторые головы настолько тонкие, что за них нельзя отвечать. Повернувшись с выражением страстного презрения к адвокату, который вел дело, и воскликнув: "Череп этого малого, если бы вы ударили его, разлетелся бы как яичная скорлупа", он обратился к судье и сказал вкрадчивым голосом: "Но человек мог бы отбиваться от вашей светлости в течение двух недель".

Я написал все это много лет назад, по старой памяти. На днях я был в Роули, и он показался мне похожим на другие безлюдные места. Возможно, я думал о Мауроу, гораздо более диком месте, ибо воспоминания детства - хрупкая вещь, на которую можно опереться.

1902.

РЕЛИГИЯ МОРЯКА

Морской капитан, стоя на мостике или глядя с палубы, много думает о Боге и о мире. Там, в долине, среди кукурузы и маков, человек может забыть обо всем, кроме тепла солнца на лице и доброй тени под изгородью; но тот, кто путешествует сквозь бурю и тьму, должен думать и думать. Однажды в июле несколько лет назад я ужинал с капитаном Мораном на борту судна "Маргарет", которое зашло в западную реку неизвестно откуда. Он показался мне человеком со множеством представлений, приправленных его индивидуальностью, как это бывает у моряков. Он говорил в своей странной морской манере о Боге и мире, и во всех его словах сквозила жесткая энергия его призвания.

"Сур, - сказал он, - ты когда-нибудь слышал, как молится морской капитан?"

"Нет", - ответил я; "А что это такое?"

"Это, - ответил он, - "Господи, дай мне жесткую верхнюю губу"".

"И что это значит?"

"Это значит, - сказал он, - что когда они придут ко мне ночью, разбудят меня и скажут: "Капитан, мы идем ко дну", я не стану выставлять себя дураком. Так вот, мы воевали в Атлантике, и я стоял на мостике, когда ко мне подошел третий помощник с ужасным видом. Он говорит: "Капитан, у нас все в порядке". Я говорю: "Разве ты не знал, когда поступал на службу, что каждый год определенный процент уходит на дно?" "Да, сэр", - говорит он; и я говорю: "Разве тебе не платят за то, чтобы ты уходил на дно?" "Да, сэр", - говорит он; и я говорю: "Тогда уходи как человек, и будь ты проклят!"

О БЛИЗОСТИ НЕБЕС, ЗЕМЛИ И ЧИСТИЛИЩА

В Ирландии этот мир и мир, в который мы попадаем после смерти, не так уж далеки друг от друга. Я слышала о призраке, который много лет жил на дереве и много лет в арке моста, а моя старая женщина из Майо говорит: "У меня дома есть куст, и люди говорят, что под ним две души совершают свое наказание. Когда ветер дует в одну сторону, укрывается одна, а когда дует с севера, укрывается другая. Это извращение с тем, как они копаются под ним в поисках убежища. Я не верю, но многие не прошли бы мимо него ночью". Действительно, бывают моменты, когда миры так близки друг к другу, что кажется, будто наши земные вещи - не более чем тени вещей потусторонних. Одна моя знакомая увидела однажды деревенского ребенка, бегавшего по улице в длинном, как шлейф, подъюбнике, и спросила его, почему он не обрзан. "Это моя бабушка", - ответил ребенок; "неужели вы хотите, чтобы она ходила в этом месте с подъюбником до колен, а ведь она умерла всего четыре дня назад?" Я читал историю о женщине, призрак которой преследовал ее людей, потому что они сделали ее погребальную одежду такой короткой, что огонь чистилища обжигал ей колени. Крестьяне ожидают, что за могилой у них будут дома, похожие на их земные жилища, только там солома никогда не протрется, белые стены не потеряют блеска, а в молочной никогда не закончится хорошее молоко и масло. Но время от времени домовладелец, или агент, или измеритель

будет ходить и просить свой хлеб, чтобы показать, как Бог отделяет праведных от неправедных.

1892 и 1902.

ПОЖИРАТЕЛИ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Иногда, когда я отгораживаюсь от общих интересов и на какое-то время забываю о беспокойстве, мне снятся сны, то слабые и похожие на тени, то яркие и твердые, как материальный мир под моими ногами. Будь они слабыми или яркими, они всегда находятся вне власти моей воли изменить что-либо. У них есть своя собственная воля, они мечутся туда-сюда и меняются по ее велению. Однажды я смутно увидел огромную черную яму, вокруг которой шел круглый парапет, а на парапете сидели бесчисленные обезьяны и ели драгоценные камни из своих ладоней. Камни сверкали зеленым и малиновым, и обезьяны пожирали их с неутолимимым голодом. Я знал, что вижу кельтский ад и свой собственный ад, ад художника, и что все, кто жаждет прекрасного и удивительного, теряют мир и форму и становятся бесформенными и обычными. Я заглядывал и в чужие ады и видел в одном из них inferнального Питера с черным лицом и белыми губами, который взвешивал на диковинных двойных весах не только совершенные злые дела, но и оставленные несделанными добрые поступки неких невидимых оттенков. Я видел, как весы поднимались и опускались, но не видел теней, которые, как я знал, толпились вокруг него. В другой раз я видел множество демонов всевозможных форм - рыбоподобных, змееподобных, обезьяноподобных и собакоподобных - сидящих около черной ямы, подобной той, что находится в моем собственном Аду, и смотрящих на луноподобное отражение Небес, которое сияло из глубины ямы.

НАША ВЛАДЫЧИЦА ХОЛМОВ

Когда мы были детьми, мы не говорили, что находится на таком-то расстоянии от почтового отделения, или так далеко от мясной лавки или бакалейной лавки, а измеряли все по крытому колодцу в лесу, или по норе лисы на холме. Тогда мы принадлежали Богу и Его делам, а также вещам, дошедшим до нас из глубокой древности. Мы бы не очень удивились, встретив сияющие ноги ангела среди белых грибов на горах, ибо в те дни мы знали безмерное отчаяние, бездонную любовь - все вечные настроения, - но теперь сеть затянута вокруг наших ног. В нескольких милях к востоку от Лаф-Гилла среди этих горных грибов бродила молодая протестантка, сама красивая и нарядно одетая в голубое и белое, и у меня есть ее письмо, в котором она рассказывает, как встретила отряд детей и стала частью их мечты. Когда они впервые увидели ее, то в страхе бросились лицом вниз в камыши; но через некоторое время к ним подошли другие дети, и они встали и почти смело пошли за ней. Она заметила их страх и вскоре замерла, протянув руки. Одна девочка бросилась в них с криком: "Ах, ты Дева с картинки!" "Нет, - сказала другая, тоже подходя, - она небесная фея, потому что у нее цвет неба". "Нет, - сказал третий, - она феяри из наперстянки, которая выросла". Другие дети, однако, утверждали, что она действительно Дева, поскольку носила цвета Девы. Ее доброе протестантское сердце сильно встревожилось, и она заставила детей сесть около нее и попыталась объяснить, кто она такая, но они не приняли ее объяснений. Не найдя ничего полезного в объяснениях, она спросила, слышали ли они когда-нибудь о Христе? "Да", - ответил один из них, - "но мы не любим Его, потому что Он убил бы нас, если бы не Дева". "Скажи Ему, чтобы Он был добр ко мне", - прошептал ей на ухо другой. "Мы не подпустим меня к Нему, потому что папа говорит, что я дивил", - буркнул третий.

Она долго говорила с ними о Христе и апостолах, но в конце концов была прервана пожилой женщиной с палкой, которая, приняв ее за отважную охотницу за новообращенными, прогнала детей, несмотря на их объяснения, что вот великая Царица Небесная пришла прогуляться по горе и быть доброй к ним. Когда дети ушли, она продолжила свой путь и прошла около полумили, когда ребенок, которого называли "дивил", спрыгнул с высокой канавы у дорожки и сказал, что поверит ей, что она "обычная леди", если у нее будет "две юбки", потому что "у леди всегда две юбки". Две юбки" были показаны, и ребенок ушел в расстроенных чувствах, но через несколько минут снова спрыгнул с канавы и сердито закричал: "Папа - дивил, мама - дивил, я - дивил, а ты всего лишь обычная леди", и, швырнув горсть грязи и камешков, убежал, всхлипывая. Когда моя милая протестантка пришла к себе домой, она обнаружила, что уронила кисточку своего зонтика. Через год она случайно оказалась на горе, но теперь уже в простом черном платье, и встретила ребенка, который впервые назвал ее Девой с картинки, увидела кисточки на шее ребенка и сказала: "Я та самая женщина, которую ты встретил в прошлом году и которая рассказала тебе о Христе". "Нет, это не так! Нет, это не так! Нет, это не так!" - был страстный ответ. И в конце концов, не моя милая протестантка, а Мария, Морская Звезда, все еще идущая в печали и красоте по многим горам и берегам, бросила эти кисточки к ногам ребенка. Воистину, подобает человеку молиться той, кто является матерью мира, матерью мечты и матерью чистоты, чтобы она оставила им еще немного времени для совершения добра и зла, и наблюдать, как старое Время перебирает четки звезд.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Не так давно я ехал в поезде и приближался к Слайго. Когда я был там в последний раз, меня что-то беспокоило, и я жаждал получить послание от тех существ, или бестелесных настроений, или как их там, которые населяют мир духов. Послание пришло, и однажды ночью я с ослепительной отчетливостью увидел черное животное, наполовину ласку, наполовину собаку, двигавшееся по верху каменной стены, и вскоре черное животное исчезло, а с другой стороны появилась белая собака, похожая на ласку, ее розовая плоть просвечивала сквозь белую шерсть и вся она была в сиянии; я вспомнил приятное поверье о двух собаках-феях, которые ходят, представляя день и ночь, добро и зло, и был утешен этим прекрасным предзнаменованием. Но теперь я жаждал вестей иного рода, и случай, если только он существует, принес их, потому что в карету сел человек и начал играть на скрипке, сделанной, по-видимому, из старого ящика для чернил, и хотя я совсем не музыкален, звуки наполнили меня самыми странными эмоциями. Мне показалось, что я слышу голос плача из Золотого века. Он говорил мне, что мы несовершенны, неполноценны и больше не похожи на прекрасную паутину, а напоминаем пучок шнуров, сплетенных вместе и брошенных в комод. Там говорилось, что когда-то мир был совершенным и добрым, и что этот добрый и совершенный мир все еще существует, но погребен, как масса роз, под множеством лопат земли. В нем обитали фейри и более невинные духи, которые оплакивали наш падший мир в стенаниях тростника, порываемого ветром, в песнях птиц, в стоне волн и в сладостном плаче скрипки. В ней говорилось, что прекрасные не умны, а умные не красивы, что лучшие моменты нашей жизни омрачаются пошлостью или булавочным уколом из печальных воспоминаний, и что скрипка должна вечно оплакивать все это. Она говорила, что если бы только те, кто живет в Золотом веке, могли умереть, мы были бы счастливы, потому что печальные голоса затихли бы; но увы, увы, они должны петь, а мы должны плакать, пока не распахнутся Вечные ворота.

Мы уже подъезжали к большому вокзалу со стеклянными крышами, и тут скрипач убрал свой старый ящик и протянул шляпу за медяком, а затем открыл дверь и исчез.

ПРОТЕСТ ШОТЛАНДЦАМ ЗА ТО, ЧТО ОНИ ИСПОРТИЛИ ОТНОШЕНИЕ К СВОИМ ПРИЗРАКАМ И ФЕЙРИ

Вера в фейри сохранилась не только в Ирландии. Буквально на днях я услышал о шотландском фермере, который верил, что в озере перед его домом обитает водяная лошадь. Он боялся ее и затягивал озеро сетями, а потом пытался выкачать из него воду. Водяному коню пришлось бы несладко, если бы он его нашел. Ирландский крестьянин давно бы смирился с этим существом. Ведь в Ирландии между людьми и духами существует нечто вроде робкой привязанности. Они плохо относятся друг к другу только в разумных пределах. Каждый из них допускает, что у другой стороны есть чувства. Есть моменты, за которые ни один из них не пойдет. Ни один ирландский крестьянин не стал бы обращаться с пойманным фейри так, как это сделал человек, о котором рассказывает Кэмпбелл. Он поймал келпи и привязал ее позади себя на лошади. Она была свирепа, но он заставил ее замолчать, вонзив в нее шило и иглу. Они подошли к реке, и она стала очень беспокойной, боясь переходить воду. Он снова вогнал в нее шило и иглу. Она закричала: "Проткни меня шилом, но не втыкай в меня эту тонкую, похожую на волос рабу (иглу)". Они пришли в трактир. Он посветил на нее фонарем; она тут же упала, как падающая звезда, и превратилась в комок желе. Она была мертва. Не стали они обращаться и с фейри, как это делается в старинной горской поэме. Фейри любил маленького ребенка, который косил дерн у холма фейри. Каждый день фейри протягивал с холма руку с заколдованным ножом. Ребенок срезал дерн этим ножом. Это не занимало много времени - нож был заколдован. Ее братья удивлялись, почему она так быстро справляется. Наконец они решили понаблюдать и выяснить, кто ей помог. Они увидели, как из земли появилась маленькая рука, и ребенок взял из нее нож. Когда дерн был полностью срезан, они увидели, как она трижды постучала рукояткой ножа по земле. Из холма высунулась маленькая рука. Выхватив нож у ребенка, они ударом отрубили руку. Больше фейри никто не видел. Он втянул свою кровоточащую руку в землю, думая, как сказано, что потерял руку из-за предательства ребенка.

В Шотландии вы слишком теологичны, слишком мрачны. Вы сделали религиозным даже дьявола. "Где ты живешь, добрый вайф, и как поживает министр?" - сказал он ведьме, встретив ее на дороге, как выяснилось на суде. Вы сожгли всех ведьм. В Ирландии мы оставили их в покое. Конечно, "лояльное меньшинство" выбило глаз одной из них кочерыжкой капусты 31 марта 1711 года в городе Каррикфергус. Но тогда "лояльное меньшинство" наполовину шотландцы. Вы обнаружили, что фейри - язычники и нечестивцы. Вы бы хотели, чтобы все они предстали перед магистратом. В Ирландии воинственные смертные ходили среди них и помогали им в битвах, а те, в свою очередь, обучали людей мастерству обращения с травами и позволяли некоторым из них слушать свои мелодии. Каролан спал на рати фейри. С тех пор их мелодии звучали в его голове и сделали его великим музыкантом. В Шотландии вы осуждаете их с кафедры. В Ирландии священники разрешили им советоваться с ними о состоянии своей души. К несчастью, священники решили, что у них нет душ, что в последний день они иссякнут, как яркий пар; но сказали они это скорее в печали, чем в гневе. Католическая религия любит поддерживать хорошие отношения со своими соседями.

Эти два разных взгляда на вещи повлияли на формирование в каждой стране целого мира спрайтов и гоблинов. За их веселыми и грациозными поступками нужно ехать в Ирландию, за их ужасающими деяниями - в Шотландию. Наши ирландские фейри-страшилки имеют в себе что-то от притворства. Когда крестьянин забредает в заколдованную хижину, и его заставляют всю ночь крутить труп на вертеле перед огнем, мы не испытываем тревоги; мы знаем, что он проснется посреди зеленого поля, с росой на старом плаще. В Шотландии все

совершенно иначе. Вы испортили прекрасный нрав призраков и гоблинов. Волинщик М'Криммон с Гебридских островов, взяв свои трубы, вошел в морскую пещеру, громко играя, а за ним следовала его собака. Долгое время люди слышали звуки труб. Он прошел, наверное, около мили, когда послышался шум борьбы. Затем звук трубы внезапно прекратился. Прошло еще некоторое время, и вот из пещеры вышла его собака, совершенно обгоревшая, слишком слабая, чтобы выть. Больше из пещеры ничего не выходило. А еще есть история о человеке, который нырнул в озеро, где, как считалось, находятся сокровища. Он увидел огромный железный сундук. Рядом с сундуком лежало чудовище, которое предупредило его, чтобы он возвращался, откуда пришел. Он поднялся на поверхность, но прохожие, узнав, что он видел сокровища, уговорили его нырнуть снова. Он нырнул. Через некоторое время его сердце и печень всплыли, окрасив воду в красный цвет. Остальных частей его тела никто так и не увидел.

Эти водяные гоблины и водяные чудовища широко распространены в шотландских народных преданиях. У нас они тоже есть, но воспринимаются гораздо менее ужасно. В наших сказках все их поступки превращаются в благодеяния и прелести или безнадежно юморизируются. Одно из таких чудовищ обитает в яме на реке Слайго. Многие в него горячо верят, но это не мешает крестьянам играть с этой темой и окружать ее сознательными фантазиями. Когда я был маленьким мальчиком, однажды я ловил рыбу в яме с чудовищем. Возвращаясь домой, с огромным угрем на плече, с головой, хлопающей впереди, и хвостом, подметающим землю позади, я встретил знакомого рыбака. Я начал рассказывать о том, как огромный угорь, в три раза больше того, что я нес, оборвал мою леску и сбежал. "Это был он", - сказал рыбак. "Вы когда-нибудь слышали, как он заставил моего брата эмигрировать? Мой брат был водолазом, вы знаете, и добывал камни для Управления порта. Однажды зверь подошел к нему и спрашивает: "Что тебе нужно?" "Камни, сэр", - говорит он. "Не думаешь ли ты, что тебе лучше уйти?" "Да, сур", - говорит он. Вот почему мой брат эмигрировал. Люди говорили, что он стал бедным, но это неправда".

Вы - вы не будете заключать никаких соглашений с духами огня и земли, воздуха и воды. Вы сделали Тьму своим врагом. Мы же обмениваемся любезностями с миром потусторонним.

ВОЙНА

Когда некоторое время назад прошел слух о войне с Францией, я встретил бедную женщину из Слайго, вдову солдата, которую я знаю, и прочитал ей фразу из письма, которое я только что получил из Лондона: "Здесьние люди безумно хотят войны, но Франция, похоже, настроена на мирное урегулирование", или что-то в этом роде. Она много думала о войне, которую представляла себе отчасти из того, что слышала от солдат, а отчасти из преданий о восстании 98-го года, но слово "Лондон" удвоило ее интерес, поскольку она знала, что в Лондоне очень много людей, да и сама она когда-то жила в "перенаселенном районе". "В Лондоне слишком много людей друг над другом. Они устают от мира. Они хотят быть убитыми. Это будет неважно; но, конечно, французы не хотят ничего, кроме мира и покоя. Здесьние люди не возражают против войны. Им не может быть хуже, чем есть. Они могут умереть по-солдатски перед Богом. Конечно, на небесах они получают четвертинки". Затем она начала говорить, что было бы неприятно видеть, как детей поднимают на штыки, и я понял, что в ее голове проносятся воспоминания о великом восстании. В конце концов она сказала: "Я не знала ни одного человека, который участвовал бы в сражении и любил говорить о нем после. Они скорее сбрасывали сено с сеновала". Она рассказала мне, как в детстве они с соседями сидели у огня и говорили о грядущей войне, а теперь она боится, что она снова грядет, потому что ей приснилось, что весь залив "сел на мель и зарос водорослями". Я спросил ее, не во времена ли фенийцев она так сильно боялась

приближения войны. Но она воскликнула: "Никогда мне не было так весело и приятно, как в фенийские времена. Я жила в доме, где останавливались офицеры, и днем гуляла за солдатским оркестром, а ночью спускалась в конец сада и смотрела, как солдат в красном плаще буравит фениев в поле за домом. Однажды ночью мальчишки привязали к стуку печень старой лошади, которая умерла три недели назад, и я нашел ее, когда открыл дверь утром". И вскоре наш разговор о войне перешел, как это обычно бывает, на битву при Черной Свинье, которая ей кажется битвой между Ирландией и Англией, а мне - Армагеддоном, который снова угасит все во Тьме предков, а от нее - к высказываниям о войне и мести. "Знаешь ли ты, - сказала она, - в чем заключается проклятие Четырех Отцов? Они насадили человека-ребенка на копье, и кто-то сказал им: "Вы будете прокляты в четвертом поколении после вас", и вот почему болезнь или что-либо еще всегда приходит в четвертом поколении".

1902.

КОРОЛЕВА И ДУРАК

Я слышал, как некий Хирн, знахарь, живущий на границе Клэра и Голуэя, говорил, что в "каждом доме" фейри "есть королева и дурак" и что если вас "коснется" любой из них, вы никогда не оправитесь, хотя можете оправиться от прикосновения любого другого фейри. О дураке он сказал, что тот "возможно, самый мудрый из всех", и говорил, что он одет как один из "муммеров, которые обычно ходят по стране". С тех пор один друг собрал мне несколько историй о нем, и я слышал, что он известен и в горных районах. Я помню, как видел длинного, долговязого, оборванного человека, сидящего у очага в коттедже старого мельника неподалеку от того места, где я сейчас пишу, и мне сказали, что он дурак; из рассказов, собранных моим другом, я узнал, что считается, что он уходит к фейри во сне; но становится ли он Амадан-на-Брина, дураком четвертого мира, и привязывается ли к какому-нибудь дому там, я не могу сказать. О нем рассказывала одна старая женщина, которую я хорошо знаю и которая сама побывала на фейри. Она сказала: "Среди них есть дураки, и те, кого мы видим, как, например, Амадан из Балли, уходят с ними по ночам, как и женщины-дуры, которых мы называем Oinseachs (обезьяны)". Женщина, которая связана со знахаркой на границе Клэра и которая может заклинаниями исцелять людей и скот, сказала: "Есть некоторые способы лечения, которые я не могу делать. Я не могу помочь никому, кто получил удар от королевы или дурака из четверки. Я знал одну женщину, которая однажды видела королеву, и она выглядела как любая христианка. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь видел дурака, кроме одной женщины, которая шла возле Горта и крикнула: "За мной идет четвертый дурак". Ее подруги, которые были с ней, тоже закричали, хотя ничего не видели, и я полагаю, что он ушел, потому что она не получила никакого вреда. Он был похож на большого сильного мужчину, сказала она, и полуголый, и это все, что она о нем рассказала. Я сама никогда не видела, но я двоюродная сестра Хирна, а моего дяди не было двадцать один год". Жена старого мельника сказала: "Говорят, они в основном хорошие соседи, но удар дурака - это то, от чего нет лекарства; кто его получит, тот пропадет". Мы зовем его Амадан-на-Брине!" И одна старуха, живущая на Болоте Килтартана и очень бедная, сказала: "Это правда, от удара Амадана-на-Брине нет лекарства. Давным-давно я знал одного старика, у него была лента, и он мог сказать, какие у тебя болезни, измерив тебя; и он знал много вещей. Однажды он спросил меня: "Какой месяц в году самый плохой?" Я ответил: "Конечно же, май". "Нет, - сказал он, - но месяц июнь, потому что именно в этот месяц Амадан наносит свой удар! Говорят, он выглядит как любой другой человек, но он леатан (широкий) и не умен. Я знал одного мальчика, который однажды сильно испугался, потому что через

стену на него смотрел ягненок с бородой, и он знал, что это был Амадан, потому что это был месяц июнь. И привели его к тому человеку, о котором я рассказывал, у которого была лента, и когда он увидел его, то сказал: "Пошлите за священником, пусть отслужит над ним мессу". Так они и сделали, и что бы вы думали, он до сих пор жив и у него есть семья! Некий Риган сказал: "Они, люди другого сорта, могут пройти мимо вас и коснуться вас. Но любому, кого коснется Амадан-на-Брине, конец". Это правда, что именно в июне он чаще всего прикоснется к вам. Я знал одного, который получил его, и он сам рассказал мне об этом. Это был мальчик, которого я хорошо знал, и он рассказал мне, что однажды ночью к нему пришел джентльмен, который был его землевладельцем и который умер. И он велел ему пойти с ним, потому что хотел, чтобы он сразился с другим человеком. И когда он пошел, то нашел два больших войска, а с другим войском был живой человек, и его поставили с ним сражаться. И был у них большой бой, и он одержал верх над другим человеком, и тогда отряд на его стороне издал большой крик, и его снова оставили дома. Но примерно через три года после этого он рубил кусты в лесу и увидел, что к нему приближается Амадан. В руках у него был большой сосуд, и он блестел, так что мальчик больше ничего не мог разглядеть; но потом он засунул его за спину и побежал, и мальчик сказал, что он выглядит диким и широким, как склон холма. И мальчик побежал, и бросил сосуд за ним, и он разбился с большим шумом, и что бы ни вылетело из него, его голова исчезла там и тогда. Он жил еще некоторое время и много рассказывал нам, но ума у него уже не было. Он думал, что им могло не понравиться, что он побил другого человека, и боялся, что на него что-нибудь нашло". А одна старуха в рабочем доме в Голуэе, которая немного знала о королеве Мейве, сказала на днях: "Амадан-на-Брине меняет свой облик каждые два дня. Иногда он приходит как молодой, а потом - как самый страшный зверь, пытаюсь придать себе прежний вид. Я слышал, что в последнее время говорят, что его застрелили, но сам я думаю, что застрелить его было бы трудно".

Я знал одного человека, который пытался вызвать в своем воображении образ Аэнгуса, старого ирландского бога любви, поэзии и экстаза, который превратил четыре своих поцелуя в птиц, и вдруг перед его мысленным взором возник образ человека в шапке с бубенцами, стал ярким, заговорил и назвал себя "посланцем Аэнгуса". И я знал другого человека, поистине великого провидца, который видел белого дурака в саду, где было дерево с павлиньими перьями вместо листьев и цветы, которые раскрывались и показывали маленькие человеческие лица, когда белый дурак касался их своим кокошником, а в другое время он видел белого дурака, который сидел у бассейна, улыбался и смотрел на образы многих прекрасных женщин, vyplывающих из бассейна.

Чем еще может быть смерть, как не началом мудрости, силы и красоты? А глупость может быть разновидностью смерти. Мне не кажется удивительным, что в "каждом доме их" многие видят глупца с блестящим сосудом какого-то очарования, или мудрости, или мечты, слишком сильной для смертных мозгов. Естественно также, что в каждом их доме должна быть королева и что мало что слышно об их королях, ибо женщины легче мужчин приходят к той мудрости, которую древние народы, да и все дикие народы даже сейчас, считают единственной мудростью. Самость, которая является основой нашего знания, разбивается на части глупостью и забывается во внезапных эмоциях женщин, и поэтому глупцы могут получить, а женщины, несомненно, получают, проблески многого, что святость находит в конце своего мучительного пути. Человек, видевший белого дурака, сказал об одной женщине, не крестьянке: "Если бы я обладал ее способностью видеть, я бы познал всю мудрость богов, но ее видения ее не интересуют". А я знаю другую женщину, тоже не крестьянку, которая во сне уходила в страны неземной красоты и ни о чем не заботилась, кроме как о доме и детях; и вскоре ее вылечил врач-травник, как он это называл. Мудрость,

красота и сила, как мне кажется, иногда приходят к тем, кто умирает каждый день, хотя их смерть может быть не похожа на ту, о которой говорил Шекспир. Между живыми и мертвыми идет война, и ирландские истории постоянно твердят об этом. В них говорится, что когда картофель, или пшеница, или любой другой плод земли гниет, он созревает в фейри, и что наши сны теряют свою мудрость, когда на деревьях поднимается сок, и что наши сны могут заставить деревья завянуть, и что в ноябре можно услышать бляение фейри, и что слепые глаза видят больше, чем другие глаза. Поскольку душа всегда верит в эти или подобные вещи, келья и пустыня никогда не будут долго пустовать, и в мир не придут влюбленные, которые не поймут стиха.

Не слышал ли ты сладких слов среди
среди этих небесных менестрелей?
Слышал ли ты, что те, кто умирает.
Просыпаются в мире экстаза?
Как любовь, когда конечности переплетены,
И сон, когда ночь жизни сплетена,
И мысли, что цепляются за тусклые границы мира,
И музыка, когда поет возлюбленный,
это смерть?

1901.

ДРУЗЬЯ НАРОДА ФЕЙРИ

Те, кто чаще всего видит народ фейри и, соответственно, обладает большей частью их мудрости, зачастую очень бедны, но нередко считается, что они обладают силой, превосходящей человеческую, как если бы человек, переступив порог транса, пришел к тем сладким водам, где Маэлдун видел, как купались растрепанные орлы и снова становились молодыми.

Был старый Мартин Роланд, живший у болота немного в стороне от Горта, который часто видел их с юных лет и всегда под конец своей жизни, хотя я вряд ли назвал бы его их другом. За несколько месяцев до своей смерти он рассказал мне, что "они" не давали ему спать по ночам, крича что-то на ирландском и играя на своих дудках. Он спросил своего друга, что ему делать, и тот посоветовал ему купить флейту и играть на ней, когда они начнут кричать или играть на своих трубах, и, может быть, они перестанут его раздражать; он так и сделал, и они всегда уходили в поле, когда он начинал играть. Он показал мне трубу, дунул в нее и зашумел, но играть не умел; а потом показал, где он снес дымоход, потому что один из них сидел на нем и играл на трубах. Недавно мы с подругой ходили к нему, потому что она слышала, что "трое из них" сказали ему, что он умрет. Он сказал, что они ушли, предупредив его, и что дети (дети, которых они "взяли", я полагаю), которые обычно приходили с ними и играли с ними в доме, "ушли в другое место", потому что "они нашли дом слишком холодным для них, возможно"; и он умер через неделю после того, как сказал эти слова.

Его соседи не были уверены, что он действительно что-то видел в старости, но все они были уверены, что он видел вещи, когда был молодым человеком. Его брат сказал: "Он стар, и все, что он видит, происходит в его мозгу. Если бы он был молодым человеком, мы могли бы поверить в него". Но он был импозантен и никогда не ладил со своими братьями. Сосед сказал: "Бедняга, говорят, теперь они у него в основном в голове, но, конечно, двадцать лет назад он был прекрасным свежим человеком в ту ночь, когда увидел их, связанных в две

партии, как молодых девушек, идущих вместе. Это было в ту ночь, когда они забрали девочку Фэллона". И она рассказала, как девочка Фэллона встретила женщину "с рыжими волосами, яркими, как серебро", которая увела ее. Другая соседка, которую одна из них "ударила по уху" за то, что она зашла в форт, где они находились, сказала: "Я думаю, что они в основном в его голове; и когда он стоял в дверях прошлой ночью, я сказала: "Ветер всегда в моих ушах, и звук его никогда не прекращается", чтобы он подумал, что с ним то же самое; но он говорит: "Я постоянно слышу их пение и музыку, и один из них после этого приносит маленькую флейту, и на ней он играет для них". И вот что я знаю: когда он спускал дымоход, где, по его словам, сидел и играл волынщик, он поднял камни, а он старый человек, которые я не смог бы поднять, когда был молодым и сильным".

Один друг прислал мне из Ольстера рассказ об одном человеке, который находился в настоящей дружбе с людьми фейри. Он был записан в точности, потому что моя подруга, которая слышала историю старухи за некоторое время до того, как я узнала о ней, заставила ее рассказать все заново и сразу же записала. Она начала с того, что сказала старухе, что ей не нравится оставаться в доме одной из-за привидений и фей; и старуха ответила: "В фейри нет ничего страшного, мисс. Я сама много раз разговаривала с женщиной, которая была фейри или что-то в этом роде, но не меньше и не больше, чем смертная, во всяком случае. Она часто приходила в дом вашего дедушки - дедушки вашей матери, то есть - в дни моей молодости. Но вы, наверное, все о ней слышали". Моя подруга сказала, что слышала о ней, но очень давно, и ей хотелось бы услышать о ней еще раз; и старуха продолжила: "Ну, дорогая, впервые я услышала о ней, когда твой дядя - то есть дядя твоей матери - Джозеф женился и строил дом для своей жены, потому что сначала он привез ее к своему отцу, в дом у Лафа. Мы с отцом жили неподалеку от того места, где строился новый дом, чтобы наблюдать за работой мужчин. Мой отец был ткачом, и он перенес свои станки и все остальное в коттедж, который находился неподалеку. Фундамент был уже размечен, камни лежали, но каменщики еще не пришли, и вот однажды я стоял с матерью на крыше дома, и тут мы увидели, как по полю через овраг к нам идет нарядная женщина. Я тогда была еще совсем девчонкой, играла и занималась спортом, но я вспомнила о ней не хуже, чем если бы увидела ее сейчас!" Мой друг спросил, как была одета женщина, и старушка ответила: "На ней был серый плащ, зеленая кашемировая юбка и черный шелковый хендкеркер, повязанный вокруг головы, как носили деревенские женщины в те времена". Мой друг спросил: "А сколько ей было лет?" И старушка ответила: "Ну, если подумать, она вовсе не была маленькой, ведь мы называли ее "Маленькая женщина". Она была крупнее многих, но не высокая, как вы бы сказали. Она была похожа на женщину лет тридцати, кареглазую и круглолицую. Она была похожа на мисс Бетти, сестру твоей бабушки, а Бетти не была похожа ни на кого из остальных, ни на твою бабушку, ни на кого-либо из них. Она была круглой и свежей, и никогда не была замужем, и никогда не брала себе мужчину; и мы говорили, что эта Женщина - она была похожа на Бетти - была, возможно, одной из их людей, которую забрали, прежде чем она выросла в полный рост, и поэтому она всегда следила за нами, предупреждала и предсказывала. На этот раз она подошла прямо к тому месту, где стояла моя мать. Иди к Лафу сию минуту! - приказывает она ей, - иди к Лафу и скажи Джозефу, что он должен переложить фундамент этого дома там, где я покажу тебе за кустом терновника. Именно там он должен быть построен, если он хочет иметь удачу и процветание, так что делайте то, что я вам говорю в эту минуту". Дом строился на "тропе", я полагаю, той самой, по которой путешествуют фейри, и моя мать привела Джозефа, показала ему, и он изменил фундамент, как ему было велено, но не довел его точно до места, на которое было указано, и кончилось это тем, что, когда он подошел к дому, его собственная жена погибла от несчастного случая, который произошел с лошадью, не успевшей повернуть направо с борозной между кустом и стеной. Когда он пришел к нам в дом, Ви-женщина была очень

сердита и сказала нам: "Он не сделал того, что я ему сказала, но он увидит то, что увидит". Мой друг спросил, откуда женщина пришла на этот раз и была ли она одета, как прежде, и женщина ответила: "Всегда так, по полю за ожогом. Летом у нее была тонкая шаль, а зимой - плащ; и много-много раз она приходила, и всегда она давала моей матери добрые советы и предупреждала, чего не следует делать, если хочешь, чтобы ей сопутствовала удача. Никто из наших детей никогда не видел ее, кроме меня; но я радовался, когда видел, как она поднимается по трощам, бежал, ловил ее за руку и за плащ и звал маму: "А вот и Маленькая Женщина! Ни один мужчина никогда не видел ее. Мой отец очень хотел этого и сердился на нас с матерью, считая, что мы говорим неправду и говорим глупости. И вот однажды, когда она пришла и сидела у камина, разговаривая с мамой, я выскользнул на поле, где он копал. Подойди, - говорю, - если хочешь ее увидеть. Она сейчас сидит у камина и разговаривает с матерью". Так что он вошел со мной, сердито огляделся и ничего не увидел, а потом поднял метлу, которая была под рукой, и ударил меня ею по голове. "Получи!" - говорит он, - "за то, что выставил меня дураком!" - и ушел с ним так быстро, как только мог, а я все злился и злился. А Ви-женщина мне и говорит: "Ты получил это за то, что приводил ко мне людей. Ни один человек никогда не видел меня и никогда не увидит".

"Но однажды она его здорово напугала, независимо от того, видел он ее или нет. Он был среди скота, когда это случилось, и пришел в дом весь дрожащий. Не позволяй мне больше слышать, чтобы ты хоть слово сказал о своей Уи Вумен. На этот раз я получил от нее достаточно". В другой раз, все в том же духе, он поехал в Гортин продавать лошадей, и перед тем, как уехать, вошла Ви-женщина и сказала моей матери, протягивая какую-то траву: "Твой человек уехал в Гортин, и его ждет дома сильный испуг, но возьми это и зашей ему в пальто, и он не получит от этого никакого вреда". Моя мать берет траву, но думает про себя: "Конечно, в ней ничего нет", - и бросает ее на пол, и вот, пожалуйста! Возвращаясь домой из Гортина, мой отец так сильно испугался, как никогда в жизни. Что это было, я не помню, но в любом случае он сильно пострадал от этого. Моя мать, как ни странно, испугалась Ви-женщины после того, что та сделала, и, конечно, в следующий раз она рассердилась. "Вы мне не поверили, - сказала она, - и бросили в огонь траву, которую я вам дала, а я за это далеко пошла". В другой раз она пришла и рассказала, что Уильям Хирн умер в Америке. "Пойди, - говорит, - в Лаф и скажи, что Уильям умер, и умер он счастливым, и это была последняя глава Библии, которую он читал", - и при этом она назвала стих и главу. Идите, - говорит она, - и скажите, чтобы они прочитали их на следующем собрании класса, и что я держала его голову, пока он умирал". И, конечно, после этого пришло известие о том, что Уильям умер в названный ею день. И, как она ни относилась к главе и гимну, у них никогда не было такого молитвенного собрания, как в тот день. Однажды мы с ней и мамой стояли и разговаривали, и она ее о чем-то предупреждала, как вдруг говорит: "Вот идет мисс Летти во всем своем великолепии, и мне пора уходить". И с этими словами она крутанулась на ногах, поднялась в воздух, и понеслась по кругу, и вверх, и вверх, словно по винтовой лестнице, только гораздо быстрее. Она поднималась все выше и выше, пока не стала не больше птицы на фоне облаков, и все это время пела и пела самую прекрасную музыку, которую я когда-либо слышал в своей жизни с того дня и по сей день. Она пела не гимн, а стихи, прекрасные стихи, а мы с мамой стояли, затаив дыхание, и все дрожали. "Что она вообще такое, мама?" - говорю я. - "Ангел она, или феири, или что? Тут подошла мисс Летти, это твоя бабушка, дорогая, но тогда она была мисс Летти, и ни о какой другой речи быть не могло, и она удивлялась, что мы так тарашимся, пока мы с мамой не рассказали ей об этом. Тогда она ходила нарядная, и вид у нее был прелестный. Она шла по дорожке, и никто из нас не мог видеть, как она приближается к нам, и тогда Маленькая Женщина поднялась и сказала: "А вот и мисс Летти во всем своем великолепии". Кто знает, в какую дальнюю страну она отправилась и к кому умирать?

"Она никогда не приходила после наступления темноты, а всегда, насколько я помню, только днем, и это было в ночь на Хэллоуин. Моя мать сидела у огня и готовила ужин; у нее была утка и несколько яблок. Тут в комнату вошла Ви-женщина: "Я пришла провести с вами канун Хэллоу", - говорит она. "Это верно", - говорит моя мать, а про себя думает: "Я могу угостить ее хорошим ужином". Она опустилась на пол и немного посидела у огня. Теперь я скажу тебе, куда ты принесешь мой ужин, - говорит она. В той комнате, что рядом с ткацким станком, поставьте стул и тарелку". Если вы остаетесь на ночь, разве вы не можете сесть за стол и есть вместе с остальными?" - "Делайте, что вам говорят, и поставьте все, что вы мне дадите, в комнате за станком. Я буду есть там и нигде больше". И моя мать поставила ей тарелку с уткой и яблоками, все, что было, туда, куда она просила, и мы принялись за свой ужин, а она за свой; когда мы поднялись, я вошла, а там, о ужас, ее тарелка с ужином, немного съедено из каждой порции, и она ушла!"

1897.

СНЫ, В КОТОРЫХ НЕТ МОРАЛИ

Подруга, услышавшая о Майве и лесной палочке, на другой день отправилась в рабочий дом. По ее словам, старики были холодными и жалкими, "как мухи зимой"; но они забыли о холоде, когда начали разговаривать. От них только что ушел человек, который играл в карты на ранте с людьми фейри и играл "очень честно"; один старик видел однажды ночью заколдованную черную свинью, а два старика, как слышала моя подруга, спорили о том, кто из поэтов лучше - Рафтери или Калланан. Один из них сказал о Рафтери: "Он был большим человеком, и его песни пронесли по всему миру. Я хорошо его помню. У него был голос, как ветер"; другой же был уверен, что "вы бы стояли на снегу, чтобы послушать Калланана". Вскоре один из стариков начал рассказывать моему другу историю, и все с восторгом слушали, то и дело разражаясь смехом. История, которую я собираюсь рассказать в том виде, в каком она была рассказана, была одной из тех старых бессвязных историй без морали, которые радуют бедных и забытых людей везде, где жизнь остается в своей естественной простоте. Они рассказывают о том времени, когда ничто не имело последствий, когда, даже если тебя убивали, если только у тебя было доброе сердце, кто-то возвращал тебя к жизни прикосновением жезла, и когда, если ты был принцем и случайно оказался похож на своего брата, ты мог лечь в постель с его королевой, а после этого лишь немного поссориться. Мы тоже, если бы были так слабы и бедны, что все грозило нам несчастьем, вспомнили бы, если бы глупые люди оставили нас в покое, все старые мечты, которые были достаточно сильны, чтобы сбросить с плеч тяжесть мира.

Жил-был один король, который очень переживал из-за того, что у него не было сына, и в конце концов он пошел посоветоваться со своим главным советником. И главный советник сказал: "Все очень просто, если ты сделаешь то, что я тебе скажу. Пусть ты пошлешь кого-нибудь, - говорит он, - в такое-то место, чтобы поймать рыбу. А когда рыбу принесут, отдай ее царице, твоей жене, чтобы она поела".

И царь послал, как ему было велено, и рыбу поймали и принесли, и он отдал ее повару и велел ей положить ее на огонь, но чтобы она была с ней осторожна и не допустила, чтобы на ней поднялся какой-нибудь пузырь или волдырь. Но невозможно приготовить рыбу на огне без того, чтобы кожа на ней не поднялась в том или ином месте, и вот на коже появился пузырь, и кухарка провела по нему пальцем, чтобы сгладить его, а потом сунула палец в рот, чтобы остудить, и так она попробовала рыбу. Потом ее отправили к королеве, и она съела ее, а то, что от нее осталось, выбросили во двор, а во дворе была кобыла и борзая, и они съели выброшенные кусочки.

И не прошло и года, как у королевы родился сын, и у повара родился сын, и у кобылы родились два жеребенка, а у борзой - два щенка.

И двух молодых сыновей отправили на время в какое-то место, чтобы за ними ухаживали, а когда они вернулись, то были так похожи друг на друга, что никто не мог понять, кто из них сын королевы, а кто повара. И досадовала на это царица, и пошла она к главному советнику и сказала: "Скажи мне, как я могу узнать, кто из них мой собственный сын, потому что мне не хочется, чтобы сын повара ел и пил то же самое, что и мой собственный". "Это легко узнать, - сказал главный советник, - если ты сделаешь то, что я тебе скажу. Выйди на улицу и встань у двери, через которую они будут входить, и когда они увидят тебя, твой собственный сын склонит голову, а сын повара только рассмеется".

Так она и сделала, и когда ее собственный сын склонил голову, слуги поставили на нем знак, чтобы она узнала его снова. И когда после этого все сидели за ужином, она сказала Джеку, сыну повара: "Пора тебе уйти отсюда, ибо ты не мой сын". А ее собственный сын, которого мы назовем Биллом, сказал: "Не прогоняй его, разве мы не братья?" Но Джек сказал: "Я бы давно ушел из этого дома, если бы знал, что он принадлежит не моим родным отцу и матери". И сколько Билл ни говорил ему, он не останавливался. Но прежде чем он ушел, они оказались у колодца, который был в саду, и он сказал Биллу: "Если со мной когда-нибудь случится беда, то вода наверху колодца будет кровью, а вода внизу - медом".

Потом он взял одного из щенков и одного из двух коней, которые жеребились после того, как кобыла съела рыбу, и ветер, который был за ним, не мог его поймать, а он поймал ветер, который был перед ним. И пошел он дальше, пока не пришел к дому ткача, и попросил у него ночлега, и тот дал ему. И пошел он дальше, пока не пришел к царскому дому, и вошел в дверь, чтобы спросить: "Не нужен ли ему слуга?" "Все, что мне нужно, - сказал царь, - это мальчик, который бы каждое утро выгонял коров в поле, а вечером приводил их доиться". "Я сделаю это для тебя", - сказал Джек, и король нанял его.

Утром Джек отправился с четырьмя двадцатью коровами, а в том месте, куда ему велели их выгнать, не было ни травинки, зато было полно камней. Тогда Джек стал искать место, где трава была бы получше, и через некоторое время увидел поле с хорошей зеленой травой, принадлежащее великану. Тогда он снес часть стены и загнал их внутрь, а сам забрался на яблоню и стал есть яблоки. Тогда великан вышел на поле. "Фи-фа-фам, - говорит он, - я чую кровь ирландца. Я вижу тебя там, на дереве, - сказал он, - ты слишком велик для одного рта и слишком мал для двух, и я не знаю, что я с тобой сделаю, если не перемолоть тебя и не сделать нюхательный табак для моего носа". "Как ты силен, будь милосерден", - говорит Джек с дерева. "Спускайся оттуда, маленький карлик, - сказал великан, - или я разорву тебя и дерево на части". И Джек спустился. "Вы бы скорее вогнали раскаленные ножи в сердца друг друга, - сказал великан, - или вы бы скорее сражались друг с другом на раскаленных флагах?" "Драться на раскаленных флагах - это то, к чему я привык дома, - сказал Джек, - и твои грязные ноги будут в них тонуть, а мои - подниматься". И тогда они начали бой. Твердую землю они сделали мягкой, а мягкую - твердой, и сквозь зеленые флажки пробились весенние колодцы. Так продолжалось весь день, ни один не одерживал верх над другим, и наконец прилетела птичка, села на куст и сказала Джеку: "Если ты не покончишь с ним до захода солнца, он покончит с тобой". Тогда Джек собрал все свои силы и поставил великана на колени. "Отдай мне мою жизнь, - говорит великан, - и я дам тебе три лучших подарка". "И какие же?" - спросил Джек. "Меч, против которого ничто не устоит, и костюм, надев который, ты будешь видеть всех, а тебя никто не увидит, и пару башмаков, в которых ты будешь бегать быстрее ветра". "Где же их искать?" - спросил Джек. "В той красной двери, которую ты видишь на холме". Джек пошел и достал их. "Где я испытаю меч?" - сказал он. "Попробуй его

на том уродливом черном пне", - сказал великан. "Я не вижу ничего чернее и уродливее, чем собственную голову", - сказал Джек. И, сделав один взмах, он отрубил великану голову так, что она взлетела в воздух, и, поймав ее на меч, когда она падала вниз, сделал из нее две половинки. "Хорошо, что я не соединил тело снова, - сказала голова, - иначе ты никогда не смог бы отрубить его снова". "Я не дал тебе такого шанса", - ответил Джек. И он унес с собой большой костюм.

Вечером он привел коров домой, и все удивлялись тому, сколько молока они дали в ту ночь. И когда король сидел за ужином с принцессой, своей дочерью и остальными, он сказал: "Мне кажется, что сегодня ночью я слышу только два рева из-за границы вместо трех".

На следующее утро Джек снова отправился с коровами, увидел другое поле, полное травы, снес стену и впустил коров. Все произошло так же, как и накануне, но у великана, который пришел на этот раз, было две головы, и они сражались вместе, а маленькая птичка прилетела и говорила с Джеком, как и прежде. И когда Джек повалил великана, тот сказал: "Отдай мне мою жизнь, и я отдам тебе лучшее, что у меня есть". "Что это?" - спросил Джек. "Это костюм, который можно надеть, и ты будешь видеть всех, но никто не сможет увидеть тебя". "Где он?" - спросил Джек. "Он в той маленькой красной двери на склоне холма". Джек пошел и достал костюм. А потом он отрубил великану две головы, поймал их и сделал из них четыре половинки. И они сказали, что это хорошо, что он не дал им времени соединиться с телом.

В ту ночь, когда коровы вернулись домой, они дали столько молока, что все сосуды, которые только можно было найти, были наполнены.

На следующее утро Джек снова отправился в путь, и все случилось как прежде, только у великана на этот раз было четыре головы, и Джек сделал из них восемь половинок. И великан велел ему пойти к маленькой голубой двери в склоне холма, и там он получил пару башмаков, которые, если их надеть, шли быстрее ветра.

В ту ночь коровы дали столько молока, что не хватило сосудов, чтобы его вместить, и его отдали арендаторам и бедным людям, проезжающим по дороге, а остальное выбросили в окна. Я и сам проходил той дорогой, и мне досталось попить.

В тот вечер король сказал Джеку: "Почему в эти дни коровы дают так много молока? Ты приводишь их на какую-нибудь другую траву?" "Нет, - сказал Джек, - но у меня есть хорошая палка, и всякий раз, когда они замирают или ложатся, я бью их ею так, что они прыгают и перепрыгивают через стены, камни и рвы; вот так можно заставить коров давать много молока".

И в тот вечер за ужином король сказал: "Я совсем не слышу рева".

На следующее утро король и принцесса смотрели в окно, чтобы увидеть, что будет делать Джек, когда придет на поле. А Джек знал, что они там, взял палку и стал бить коров, чтобы они прыгали и перепрыгивали через камни, и стены, и рвы. "В словах Джека нет лжи", - сказал тогда король.

В то время раз в семь лет приходил великий змей, и ему приходилось добывать себе в пищу дочь кина, если только у нее не было хорошего человека, который бы сражался за нее. В тот раз ему досталась принцесса в местечке Джек, а король семь лет кормил забияку под землей и, надо полагать, собрал все самое лучшее, чтобы быть готовым сразиться с ним.

И когда пришло время, принцесса вышла, и забияка вместе с ней спустился к берегу, а когда они пришли туда, что он сделал, так это привязал принцессу к дереву, чтобы змея могла легко и без промедления проглотить ее, а сам пошел и спрятался в плющевом дереве. А Джек знал, что происходит, потому что принцесса рассказала ему об этом и спросила, не поможет ли он ей, но он сказал, что не поможет. Но вот он вышел, надел костюм, который взял у первого великана, и подошел к тому месту, где была принцесса, но она его не узнала. "Разве это правильно, что принцесса привязана к дереву?" - спросил Джек. "Нет, не положено", - ответила она и рассказала ему, что случилось и как змей собирается забрать ее. "Если ты позволишь мне немного поспать, положив голову тебе на колени, - сказал Джек, - ты сможешь разбудить меня, когда он придет". Он так и сделал, и она разбудила его, когда увидела приближающегося змея, и Джек встал, сразился с ним и загнал его обратно в море. А потом он перерезал веревку, которой она была привязана, и ушел. Тогда хулиган спустился с дерева, привел принцессу к королю и сказал: "Я попросил своего друга прийти и сразиться со змеем сегодня, я немного робею после долгого пребывания под землей, но завтра я буду сражаться сам".

На следующий день они снова вышли на улицу, и произошло то же самое: хулиган привязал принцессу так, чтобы змея могла легко и просто на нее напасть, а сам полез наверх и спрятался в плюще. Тогда Джек надел костюм, который он взял у второго великана, и вышел, а принцесса его не узнала, но рассказала ему обо всем, что случилось вчера, и о том, как какой-то незнакомый ей молодой человек пришел и спас ее. И Джек попросил, чтобы он лег и заснул, положив голову ей на колени, - так она сможет его разбудить. И случилось то же самое, что и накануне. И хулиган выдал ее королю, сказав, что в этот день он привел еще одного своего друга, чтобы тот сражался за нее.

На следующий день ее, как и прежде, спустили на берег, и собралось много народу, чтобы посмотреть на змея, который пришел увести дочь короля. И Джек принес одежду, которую он забрал у третьего великана, и она не узнала его, и они разговаривали, как прежде. Но когда он уснул, она решила, что обязательно сможет найти его снова, и взяла ножницы, отрезала клочок его волос, сделала из него маленький пакетик и положила его. И сделала еще одно: она сняла одну из туфель, которые были на его ногах.

И когда она увидела приближающегося змея, то разбудила его, и он сказал: "На этот раз я уложу змея так, что он больше не будет есть царских дочерей". И он достал меч, который получил от великана, и вонзил его в шею змея, так что из нее хлынула кровь и вода, которая уходила на пятьдесят миль вглубь страны, и покончил с ним. А потом он скрылся, и никто не видел, в какую сторону он ушел, а забияка привел принцессу к королю и утверждал, что спас ее, и именно он получил большую известность и стал после этого правой рукой.

Но когда на пиру готовились к свадьбе, принцесса достала из кармана волос, который у нее был, и сказала, что не выйдет замуж ни за кого, кроме того, чьи волосы подойдут к этому волосу, и показала туфельку и сказала, что не выйдет замуж за того, чья нога не подойдет к этой туфельке. И хулиган попытался надеть туфлю, но так, что палец ноги не проходил в нее, а что касается его волос, то они совсем не подходили к тому клочку волос, который она срезала с человека, спасшего ее.

И тогда король устроил большой бал, чтобы собрать всех главных людей страны и попробовать, подойдет ли башмак кому-нибудь из них. Все они ходили к плотникам и столярам, отрезали кусочки своих ног, чтобы попробовать надеть туфлю, но все было бесполезно, ни один из них не мог ее надеть.

Тогда царь пошел к своему главному советнику и спросил, что можно сделать. И главный советник велел ему дать еще один мяч, и на этот раз он сказал: "Дай его бедным и богатым".

И вот шар был дан, и многие стекались к нему, но башмак не подходил ни одному из них. И сказал главный советник: "Все ли здесь, кто принадлежит к этому дому?" "Все они здесь, - ответил король, - кроме мальчика, который присматривает за коровами, а мне бы не хотелось, чтобы он сюда поднимался".

Джек в это время был внизу, во дворе, и он услышал, что сказал король, и очень рассердился, пошел, взял свой меч и побежал вверх по лестнице, чтобы отрубить королю голову, но человек, который держал ворота, встретил его на лестнице, прежде чем он смог добраться до короля, и успокоил его, а когда он добрался до верха лестницы и принцесса увидела его, она закричала и бросилась в его объятия. И они примерили туфлю, и она пришлась ему впору, а его волосы совпали с отрезанным куском. И тогда они поженились, и был дан большой пир на три дня и три ночи.

А по истечении этого времени однажды утром за окном появился олень, на нем были колокольчики, и они звенели. И закричал он: "Вот охота, где же егерь и гончая?" Услышав это, Джек встал, взял свою лошадь и гончую и отправился охотиться на оленя. Когда она была в долине, он был на холме, а когда она была на холме, он был в долине, и так продолжалось весь день, а когда наступила ночь, она ушла в лес. И Джек пошел в лес вслед за ним, и все, что он мог видеть, была глинобитная хижина, и он вошел туда, и там он увидел старую женщину, около двухсот лет, и она сидела над огнем. "Увидела ли ты оленя, который проходил здесь?" - спросил Джек. "Нет, - отвечает она, - но теперь уже слишком поздно, чтобы преследовать оленя, пусть ты остановишься здесь на ночь". "Что же мне делать с моей лошадью и моей гончей?" - сказал Джек. "Вот два ребра шерсти", - говорит она, - "и давай ты свяжешь их ими". И Джек вышел и связал коня и гончую, а когда он снова вошел, старуха сказала: "Ты убил трех моих сыновей, и я убью тебя сейчас", - и надела пару боксерских перчаток, каждая из которых весила девять камней, а гвозди в них были длиной в пятнадцать дюймов. Затем они начали драться, и Джеку досталось больше всех. "Помоги, гончая!" - крикнул он, затем "Сожми волосы", - крикнула старуха, и ребро волос, которое было на шее гончей, сжало его до смерти. "Помоги, лошадь!" воскликнул Джек, затем: "Сожми волосы", - крикнула старуха, и ребро шерсти на шее лошади стало сжиматься и сдавливать ее до смерти. Тогда старуха покончила с Джеком и выбросила его за дверь.

Теперь вернемся к Биллу. Однажды он гулял в саду, заглянул в колодец и что же он увидел: сверху вода была кровью, а снизу - медом. Тогда он снова пошел в дом и сказал своей матери: "Я никогда больше не буду есть за тем же столом и спать в той же постели, пока не узнаю, что происходит с Джеком".

И тогда он взял другую лошадь и гончую и отправился в путь, через холмы, где никогда не кричит петух и не звучит рог, а дьявол никогда не дует в свой горн. Наконец он подъехал к дому ткача, и когда он вошел, ткачиха сказала: "Не за что, и я могу отнестись к тебе лучше, чем в прошлый раз, когда ты ко мне заходил", потому что она подумала, что это Джек пришел, уж очень они были похожи друг на друга. "Это хорошо, - сказал Билл, обращаясь к , - здесь побывал мой брат". И утром, перед тем как уйти, он дал ткачу полный таз золота.

И пошел он дальше, пока не пришел к дому короля, и когда он был у дверей, принцесса спустилась по лестнице и сказала: "Добро пожаловать, ты снова вернулся". И все люди сказали: "Удивительно, что ты отправился на охоту через три дня после свадьбы, да еще так надолго". И он остановился в ту ночь с принцессой, и она все время думала, что это ее собственный муж.

А утром пришел олень, и зазвенели колокольчики под окнами, и закричали: "Охота началась, где же егеря и гончие?" Тогда Билл встал, взял свою лошадь и гончую и пошел за ней по холмам и впадинам, пока они не пришли в лес, и там он не увидел ничего, кроме хижины с глинобитными стенами и старухи, сидящей у огня, и она велела ему остановиться там на ночь и дала ему два ребра шерсти, чтобы он привязал свою лошадь и гончую. Но Билл оказался смекалистее Джека и, прежде чем уйти, тайком бросил ребра шерсти в огонь. Когда он вошел, старуха сказала: "Твой брат убил трех моих сыновей, и я убила его, и тебя убью вместе с ним". И она надела свои перчатки, и они начали бой, а потом Билл позвал: "Помоги, лошадь". "Сожми волосы", - позвала старуха; "Я не могу сжать, я в огне", - сказали волосы. И конь подошел и ударил ее копытом. "Помоги, гончая", - сказал тогда Билл. "Сожмись, волос", - сказала старуха; "Я не могу, я в огне", - сказал второй волос. Тогда связанный впился в нее зубами, и Билл повалил ее на землю, а она взывала о пощаде. "Отдай мне мою жизнь, - сказала она, - и я скажу тебе, где ты снова найдешь своего брата, его гончую и коня". "Где это?" - спросил Билл. "Видишь тот прут над огнем?" - сказала она; "Сними его и выйди за дверь, где ты увидишь три зеленых камня, и ударь по ним прутом, потому что это твой брат, его конь и гончая, и они снова оживут". "Я так и сделаю, но сначала я сделаю из тебя зеленый камень", - сказал Билл и отрубил ей голову своим мечом.

Тогда он вышел и ударил по камням, и, конечно же, Джек, его конь и гончая были живы и здоровы. И они стали бить по другим камням вокруг, и из них выходили люди, превращенные в камни, сотни и тысячи.

Затем они отправились домой, но по дороге у них вышел какой-то спор или ссора, ибо Джеку не понравилось, что он провел ночь с его женой, и Билл рассердился, ударил Джека жезлом и превратил его в зеленый камень. И он пошел домой, но принцесса увидела, что он что-то задумал, и он сказал тогда: "Я убил своего брата". И он вернулся и оживил его, и жили они долго и счастливо, и детей у них было по корзинке, а выбрасывали они их по совочку. Однажды я сам проходил мимо, и они позвали меня и угостили чаем.

1902.

НА ОБОЧИНЕ ДОРОГИ

Вчера вечером я отправился на широкое место на дороге в Килтартан, чтобы послушать ирландские песни. Пока я ждал певцов, один старик пел о деревенской красавице, умершей много лет назад, и рассказывал об одном знакомом певце, который пел так красиво, что ни одна лошадь не могла пройти мимо него, а должна была повернуть голову и наострить уши, чтобы послушать. Вскоре под деревьями собралось несколько мужчин, юношей и девушек с платками, накинутыми на бусы, чтобы послушать. Кто-то запел Sa Muirnin Diles, потом кто-то другой Jimmy Mo Milestor - скорбные песни о разлуке, о смерти и об изгнании. Потом некоторые из мужчин встали и начали танцевать, пока другой напевал в такт их танцу, а затем кто-то запел Eiblin a Ruin, ту радостную песню встречи, которая всегда волновала меня больше других песен, потому что влюбленный, создавший ее, пел ее своей возлюбленной под сенью горы, на которую я смотрел каждый день на протяжении всего своего детства. Голоса таяли в сумерках и смешивались с деревьями, а когда я вспоминал слова, они тоже таяли и смешивались с поколениями людей. Теперь это была фраза, теперь это был настрой ума, эмоциональная форма, которая уносила мою память к более древним стихам или даже к забытым мифологиям. Меня занесло так далеко, что я словно подошел к одной из четырех рек и пошел по ней под стеной Рая к корням деревьев знания и жизни. Нет ни одной песни или истории, передаваемой из уст в уста, в которой не было бы слов и мыслей, способных унести человека так же далеко, ибо, хотя человек может знать лишь немного об их

восхождении, он знает, что они, подобно средневековым генеалогиям, восходят к началу мира через нерушимые достоинства. Народное искусство - действительно древнейшая из аристократий мысли, и поскольку оно отвергает преходящее и тривиальное, просто умное и красивое, так же как и пошлое и неискреннее, и поскольку оно собрало в себе самые простые и незабываемые мысли поколений, оно является почвой, на которой коренится все великое искусство. Где бы ни говорили у камина, ни пели на обочине дороги, ни вырезали на перемычке, признание искусства, которому единый разум придает единство и замысел, быстро распространяется, когда приходит его час.

В обществе, изгнавшем традицию воображения, лишь несколько человек - три или четыре тысячи из миллионов - одаренные собственными характерами и счастливыми обстоятельствами, и то лишь после долгих трудов, понимают, что такое воображение, и все же "воображение - это сам человек". Церкви Средневековья привлекли все искусства на свое служение, потому что люди поняли: когда воображение обеднено, главный голос - некоторые сказали бы, единственный голос - пробуждения мудрой надежды, прочной веры и понимающего милосердия может говорить лишь обрывистыми словами, если не умолкнет. И поэтому мне всегда казалось, что мы, желающие вновь пробудить образную традицию, заставляя старые песни снова жить или собирая старые истории в книги, принимаем участие в ссоре в Галилее. Те, кто являются ирландцами и хотят распространить чужие пути, которые для всех, кроме немногих, являются путями духовной нищеты, также принимают участие. Они участвуют вместе с теми, кто был из иудеев, но кричал: "Если ты отпустишь этого человека, то ты не друг кесарю".

1901.

В СУМЕРКАХ

Изношенное сердце, во времени износившееся,
Вырвись из сетей зла и добра;
Смейся, сердце, снова в серых сумерках;
Вдыхай, сердце, снова в утренней росе.
Твоя мать Эйре всегда молода,
Роса вечно сияет, а сумерки седы,
Хоть надежда от тебя ушла и любовь угасла.
Горит в огне клеветнического языка.
Приди, сердце, туда, где холм за холмом,
Ибо там мистическое братство
Дуплистый лес и холмистый лес
И изменчивая луна исполняют свою волю.
И Бог стоит, затрубив в свой одинокий рог;
А время и мир вечно в полете,
И любовь менее добра, чем серые сумерки,
А надежда менее дорога, чем утренняя роса.